

**Заккрытие храмов в Смоленске и на территории Смоленской епархии
в середине 20-х – 30-х годов XX века. Возрождение церкви на Смоленщине
в годы Великой Отечественной войны**

Новейший период истории Русской Православной Церкви – один из самых интересных и наименее исследованных. Сейчас все больше и больше появляется различных книг, статей, научных работ, посвященных событиям, происходившим в данный период, но и по сей день тайны новейшего периода истории Русской Православной Церкви раскрыты не до конца.

Многое из происходящего в то время было засекречено и только в последние годы появилась возможность для специального исследования происходящего.

В первую очередь это касается гонений на Церковь со стороны советской власти. Весь механизм этих гонений, а лучше сказать целенаправленной работы по разграблению и разрушению Церкви очень сложен.

И здесь особый интерес представляют события, которые происходили в провинции. Ведь в столицах многое делалось ради устрашения, напоказ, а в губерниях и уездах осуществлялась реальная церковная политика советской власти. Именно провинция может служить тем показателем, по которому можно увидеть сложный механизм уничтожения Русской Православной Церкви.

С самого начала у большевиков была запрограммирована работа по закрытию церквей как часть общего плана по разгрому Церкви.

20 января 1918 года вышел Декрет СНК о свободе совести, церковных и религиозных обществах, осуществивший отделение Церкви от государства, национализацию церковного имущества и поставивший РПЦ в жесткие рамки запретов и ограничений. Отныне она теряла юридическое лицо, лишалась собственности и права ее приобретать.

Согласно пункту 19 сего Декрета «здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной и центральной власти в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ.

Священник Алексей Николин, раскрывая слова Декрета, писал, что государство, объявив здание храма своей собственностью, заявило о своем праве отобрать у общины в любой момент или закрыть якобы на необходимый ремонт, а общину распустить.

Кроме того, Декрет не давал никаких указаний о порядке осуществления нового закона. Он составлен в форме слишком общей и оставлял открытыми многие существенные вопросы. Формулировки Декрета так юридически неопределенны, что не найдется ни одного пункта, который на практике не привел бы к злоупотреблениям и произволу.

Зыбковец в книге «Национализация ...» об этом говорит так: «отсутствие единой инструкции о проведении Декрета от 20 января 1918 года создавало условия для административной самостоятельности на местах ...».

Таким образом законно закрывать церкви можно было уже в 1918 г. Но почему большевикам не удалось разом провести в жизнь свои планы?

Прежде всего, здесь нужно отметить слабость советской власти в период ее становления и сохранение Церковью своего былого влияния. Зыбковец В.Ф. пишет: «Церковь выступает как хорошо налаженный механизм. А что касается государственного аппарата, то он крайне слаб, засорен контрреволюционными элементами, не оснащен инструкциями, не имеет в необходимом количестве знающих и преданных работников...».

Согласно идейным замыслам большевиков закрытие церквей не только не должно было вызвать сопротивление народа, но и, наоборот, способствовать формированию нового социалистического общества. Об этом говорит Л. Регельсон в книге «Трагедия Русской Церкви»: «курс на уничтожение Церкви неуклонно проводился с ноября 1917г вплоть до Великой Отечественной Войны ... при этом.... задача властей заключалась в том, чтобы

уничтожаемая Церковь не только не взывала к сопротивлению со стороны верующей народной массы, но в процессе своего уничтожения помогла перевоспитать эту массу в духе преданности советской власти и идеям коммунизма. Регельсон также отмечает влияние внешнеполитического фактора на дело закрытия церквей, недооцениваемого, по его словам, многими исследователями.

«Другой не менее важной задачей... был а борьба за международный престиж советской власти, необходимый для ее выживания и экспансии ее идеологии. Этим задачам служило большевистское законодательство.

Вожди коммунистов после гражданской войны и неудачи кавалерийской атаки на Церковь стали осознавать, что борьба с Церковью, частью которой является закрытие храмов, требует определенной тактики и подготовки.

Исследователь секретных ленинских документов Латышев А.Г. в книге «Рассекреченный Ленин» пишет: «Неудачи Гражданской войны, кавалерийской атаки на Церковь и сама жизнь подталкивали вождя вносить смягчающие коррективы в антирелигиозную политику, заставляя проявлять определенную гибкость во взаимоотношениях с Церковью и высказываться против непродуманных богохульных акций.

Н. Илькевич в своей статье обращает внимание на мнение Ленина о том, что борьбу с религией нужно поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленной на устранение социальных корней религии.

Также он пишет, будто Калинин любил повторять, что при неправильных действиях властей религиозные чувства не уменьшаются, а увеличиваются, и тот, кто думает, что с религией борется, на самом деле укрепляет ее.

Постановление 13 съезда ВКП (б) определило необходимость ликвидации закрытия церквей как административной меры в борьбе с религией.

Однако секретные документы, один из которых – отчет антирелигиозной комиссии ЦК РКП (б) с 1 мая по 11 сентября 1923 года свидетельствует, что на «местах с неослабевающей силой происходила кампания по закрытию церквей и превращению их в школы, клубы, театры». Закрытие храмов опиралось лишь на постановления меньшинства населения – неверующих. Также говорится, что антирелигиозной комиссией был разработан целый ряд указаний на места с целью «внести внимательное, более осторожное отношение к этому вопросу».

А что же происходило на Смоленщине с 1918 по сер. 20-х гг.? Еще летом 1918 года, как свидетельствует доклад митрополита Кирилла, начался процесс закрытия храмов.

В Смоленске в это время были закрыты Духовная семинария, училища, ликвидированы православные братства. Архивные материалы, которые помогли бы раскрыть происходящее в те годы, найти не удалось.

Известно лишь, что в этот период в Смоленске были закрыты Авраамиев монастырь (1918 г.), который большевики переоборудовали под концентрационный лагерь, и две церкви – Молоховская крепостная (1918) и Иоанна Милостивого (1920), располагавшиеся на площади Дома Советов. Обе церкви были снесены. (ГАСО ф. 2361, оп 1, д. 67, л 80-81 об)

На 1921 год по городу Смоленску было зарегистрировано 28 православных общин:

1. Одигитриевская (Кафедральный собор) – Соборная гора.
2. Вознесенский женский монастырь – Вознесенская ул.
3. Богоматерская – Набережная ул.
4. Петропавловская – Петропавловская ул.
5. Богоугодного Заведения – Покровская Гора.
6. Казанская – Казанская гора.
7. Воскресенская – Воскресенская ул.
8. Ильинская – ул. Карла Маркса.
9. Благовещенская – Соборная гора.
10. Покровская – Покровская ул.
11. Георгиевская – Георгиевская ул.

12. Спасо-Преображенская – Спасская ул.
13. Верхне-Никольская – Офицерская слобода.
14. Нижне-Никольская – Петроградская ул.
15. Крестовоздвиженская – Московская ул.
16. Богородице-Рождественская – Духовская ул.
17. Иоанно-Богословская – Богословская ул.
18. Архангельская – Свирская ул.
19. Тюремная Александро-Невская – Витебское шоссе.
20. Знаменская при Арестанских ротах – Киевский большак.
21. Тихоно-Задонская – Набережная (Немецкая ул.).
22. Георгиевская (кладбищенская) – Покровская Гора.
23. Тихвинская (кладбищенская) – Витебское шоссе.
24. Всехсвятская – Солдатская слобода.
25. Гурия, Самона и Авива – Новая Ямщина.
26. Окопская – Рачевка.
27. Троицкий монастырь – Советская ул.
28. Авраамиев монастырь – Авраамиевская ул.

(ГАСО Ф 161, оп 1, д. 54, л 229-230)

Случаи закрытия храмов на территории Смоленского района в документе N 67 фонда 2360 ГАСО не зафиксированы. Мерл Фейнсон, исследователь смоленских архивов, пишет, что в это время в деревне энергия крошечного авангарда коммунистов и комсомольцев, которые в основном совершали данное дело, была невелика и слабость организаций приглушала конечный результат его усилий. Кроме того, в начале 1920-х гг. гонения на Церковь были направлены в иное русло – изъятие церковных ценностей под видом помощи голодающим и содействие образованию обновленческого раскола.

В марте 1922 года во всех губерниях России развернулась кампания по изъятию церковных ценностей. Почти повсеместно она сопровождалась вспышками антиправительственных выступлений. В Смоленске изъятие церковных ценностей проходило чрезвычайно бурно. Оно всколыхнуло огромную часть населения города, потребовало военного вмешательства. В данный период Смоленск находился на грани гражданской войны.

Автор данной работы считает, что краткое рассмотрение этих событий необходимо для того, чтобы увидеть, каким образом власти осуществляли борьбу с Церковью, в какой обстановке шло образование обновленческого раскола. Несомненно, изъятие церковных ценностей стало одним из шагов на пути к закрытию храмов.

7 марта 1922 года церковные братства и интеллигенция Смоленска устроили собрания верующих, на которых оглашалось послание патриарха Тихона о неподчинении декрету ВЦИК. 8 марта в Губисполком были вызваны представители прихожан Успенского собора Тараканов и Гуров, которым было предложено выделить из верующих 5 человек для работы в комиссии по изъятию. 12 марта, в воскресенье, состоялось собрание прихожан Успенского собора. На собрании выступал член соборного братства, инженер-путеец Зал веский, которого сделают главной фигурой на процессе смоленских церковников. Он заявил, что использование священных сосудов и риз на помощь голодающим противно законам Церкви и оскорбительно для совести верующих. Эти предметы могут быть заменены соответствующим денежным или продуктовым эквивалентом. Его точку зрения поддержали и другие выступавшие.

Резолюция, составленная собранием, указывала на необходимость ходатайства перед ВЦИК об отмене постановления, а также отмечала, что организацию помощи голодающим должны взять на себя сами верующие. Под этой резолюцией прихожанкой Сокольской было собрано 5 тысяч подписей.

Для дальнейших переговоров с представителями власти верующие избрали комиссию из 25 человек, в которой были представлены все приходы Смоленска. На собрании

присутствовал настоятель собора прот. Дмитрий Ширяев.

В понедельник 13 марта в Успенский собор явилась комиссия по изъятию церковных ценностей под командованием Морского. Группа разгневанных прихожан не допустила комиссию к работе. 14 марта произошло то же самое. Назначаются дежурства прихожан у собора с 10 утра до 9 вечера с целью ударить в набат, если власть попытается изъять ценности силой. К вечеру группа верующих окружила собор, по сведениям Политотдела, в количестве 6-7 тысяч человек. Троцкий дает директиву комиссии временно приостановить изъятие и заняться агитацией среди красноармейских частей. 16 марта в Губисполкоме верующих принял председатель губернской комиссии по изъятию ценностей Булатов. Представитель верующих Теплов изложил точку зрения верующих по вопросу изъятия церковных ценностей. Епископ Филипп в своей речи призвал верующих отдать ценности, не имеющие богослужебного характера.

19 марта на собрании в Губисполкоме епископ Филипп произнес речь: «Верующие как граждане должны заботиться об исполнении своего долга, но как верующие не могут посягнуть на святыни. Выход из этого положения верующие найдут...». По окончании речи епископ Филипп покинул собрание.

По окончании собрания стороны пришли к соглашению: верующим разрешалось приступить к сбору пожертвований для выкупа церковных ценностей.

20 марта на дверях Успенского собора появляется текст воззвания епископа Филиппа. Владыка говорит о священных предметах, с которыми «не может расстаться душа верующих». Текст воззвания согласуется с воззванием патриарха Тихона. Послание епископа Филиппа было распространено среди верующих, а в Вознесенском монастыре его прочли с амвона. Продолжился сбор пожертвований. За несколько дней было собрано пуд серебра и около фунта золота.

Но 19 марта, когда верующие уже надеялись, что выход найден, Ленин диктовал известное письмо: «Именно теперь...»

А 24 марта была получена телеграмма от ЦК с предложением немедленно организовать комиссию при Губкоме, на которую возложить руководство по изъятию церковных ценностей. (ЦДНИСО ф.3, оп.1, д 1227, л. 11-12)

28 марта, в 5 часов утра был выставлен караул около Успенского собора, Троицкого и Вознесенского монастырей, а в 10 утра к собору стали собираться люди и очень скоро их число достигло нескольких тысяч. По словам местной газеты «Рабочий путь», со стороны толпы слышались ругань, крики и угрозы по отношению к охранявшим собор курсантам. Из толпы бросались грязью, камнями и снегом в курсантов, плевали им в лицо». («Рабочий путь» N 170, 1 августа 1922 г., стр. 1)

По условному сигналу в некоторых церквях был дан набат, и это еще больше увеличило число людей. Люди теснили красноармейцев все сильнее, командир первого полка особого назначения дал приказ стрелять вверх, но это не подействовало. Тогда начальник пулеметной команды приказал стрелять из пулемета. После этого толпа рассеялась. Во время этих событий несколько человек было ранено, в т.ч. 2 тяжело.

В этих строках, скорее всего, присутствует двусмысленность.

30 марта на очередном закрытом заседании президиума Смол.Губ. РКПб, первым вопросом будет поставлено: «немедленно провести расследование о причинах и случайных жертвах провокации во время изъятия ценностей из собора». (ЦДНИСО ф. 3, оп. 1, д 1227, л 22)

Но что здесь можно расследовать? Безусловно, и провокации в толпе, и выстрелы и даже жертвы – все это было предусмотрено на секретных совещаниях. Ведь в Шуе, Петрограде и Москве события разворачивались по тому же сценарию. (Баделин В. «Золото Церкви», «Экологический вестник» 1993, стр 140)

После ухода людей комиссия попыталась войти в собор, но дверь была закрыта изнутри. Двери, по приказанию комиссии были взломаны. В соборе оказалось 15 девочек-подростков, двое взрослых женщин и 5 мужчин во главе с председателем

приходского совета Кузьменковым – они ночевали в соборе для его охраны.

Ценности Успенского собора были изъяты очень быстро – к этому готовились целый месяц, хотя никакой официальной публикации о количестве изъятых в соборе ценностей так и не появилось.

«Победная акция» стоила властям очень дорого. В течение нескольких дней после изъятия в соборе город находился на грани восстания.

Оперативные сводки тайных агентов ярко показывают это. 03.04.22 – заводы и фабрики работают без перебоев, но практически везде атмосфера беспокойная, слышны открытые призывы к свержению Советской власти...». (ЦДНИСО ф.3, оп 1, д 1227, л 29 05.04.22 – резкое ухудшение положения в армии. (ЦДНИСО ф 3, оп 1, д 1227, л 33)

В Москве далеко не все понимали, что происходит в Смоленске. 31 марта Молотов направил в Смоленск телеграмму, предписывающую расправиться со всеми «смутьянами». (ЦДНИСО ф 3, оп 1, д 1227, л 40)

Лучше других понимал серьезность ситуации Троцкий. Он рекомендовал направить в Смоленск комиссию вроде той, которая была откомандирована Политбюро ЦП РКП(б) в Шую, включив в ее состав Тухачевского. Участие в комиссии командующего войсками Зап. фронта придало ей явно карательный характер. Экстренными мерами готовящееся в Смоленске восстание было сломлено. Арестовано около 100 человек.

Согласно плану проведения кампании власти после изъятия ценностей в соборе должны были приступить к изъятию ценностей в остальных церквях Смоленска и по губернии.

Резкое ухудшение политической ситуации перемешало все планы органов изъятия. Из городов губернии приходили тревожные вести.

Согласно сводке на 30.03.22 в некоторых городах губернии комиссии по изъятию не работали, отношение у людей неудовлетворительное. (ЦДНИСО ф 3, оп 1, д 1227, л 18).

Так, хотя в г. Ярцево свщ. Руженцев высказался за изъятие ненужных ценностей, масса верующих говорить ему не дала, погнала с трибуны и кричала: «Ты большевик!».

В этой области положение серьезное, несмотря на то, что ценностей почти нет.

С середины апреля начинается изъятие ценностей во всех уездах. На выступления протеста власти уже не обращали никакого внимания. Ситуация была «под контролем». Кампания по изъятию ценностей была окончена к 20 мая.

Изъятие ценностей явилось серьезным испытанием для политических убеждений духовенства. «Приемлющие» высказывались за безоговорочную передачу всех ценностей, «неприемлющие» отказывались отдавать священные предметы, в руки антирелигиозной власти не отрицая, однако, необходимости помощи голодающим. Деятельность «неприемлющих» выражалась главным образом в распространении патриаршего воззвания. И здесь уже намечалось отделение будущих обновленцев от верных православной церкви.

В марте 1922 года на страницах советской прессы с церковных кафедр выступают «приемлющие». А. Введенский в Петрограде начинает вести активную агитацию в пользу передачи ценностей.

Через месяц, 26 апреля, в Москве начался судебный процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Общий приговор по «московскому делу» был объявлен 7 мая 1922 года – 11 человек приговорены к расстрелу с конфискацией имущества, 3 человека – к различным срокам заключения, 3 – оправданы. Из 11 приговоренных к расстрелу шестеро были помилованы, в отношении 5 человек приговор был приведен в исполнение.

А еще через месяц подобный процесс развернулся в Петрограде. (Лек, стр. 80) 5 июля был провозглашен смертный приговор в отношении 10 человек. Шестеро из них, как известно, были помилованы. 10 августа появилось сообщение, что вместе с митрополитом Вениамином расстреляны архим. Сергей Шеин, профессора Юрий Новицкий и Иван Ковшаров.

Можно сказать, коммунистам все удалось, показательные процессы в столицах состоялись. Патриарх привлечен к уголовной ответственности и находится под арестом.

Сценарий написан. Осталось провести подобные процессы на местах. Здесь властям удобно было использовать обновленчество.

Обновленческий раскол – одно из самых негативных явлений в истории Церкви XX века. Наиболее важный из факторов, вызвавших его – стремление властей подорвать Церковь изнутри. В письме от 30 марта 1922 года Троцкий сформулировал окончательный план действий в отношении обновленческого движения. План состоял из нескольких этапов. Использовать расслоение в церковных кругах, но использовать обновленчество не как религиозное движение, а только как необходимое партии для достижения ее целей – изъятие ценностей и разложение Церкви. Оказать неофициальную поддержку обновленцам, но до тех пор, пока большевики будут нуждаться в услугах подсобников, одновременно готовясь к их уничтожению.

А на заседании политбюро 30 марта 1922 года Троцкий сказал, что уже сегодня «нам надо подготовить теоретическую, пропагандистскую кампанию против обновленной Церкви. Надо превратить ее в выкидыш, а с черносотенными попами расправиться».

Как мы знаем, весной 1922 года, в то время, когда патриарх находился в заключении несколько петроградских священников воспользовались тем, что первоиерарх дозволил им принять и передать канцелярию в руки митр. Агафангела, стали создавать высшее церковное управление. Всем людям более или менее разбиравшимся в канонах, была понятна неканоничность этой затеи.

Уже в мае 1922 года в Смоленский Губком пришла секретная телеграмма Сталина, в которой говорилось о необходимости ведения работы в данном направлении. (ЦДНИСО ф. 3, оп. 1, д. 227, л. 44)

Сущность работы по образованию раскола в Церкви приоткрывает один из протоколов съезда отсеков ком. ячеек и воинских частей от 25.05.1922. В нем совершенно секретно указывалось, что задача властей – моральное разложение духовенства, стремление добиться от духовенства требования суда над патриархом Тихоном и епископом Смоленским Филиппом. «Но всю работу надо проделать таким образом, чтобы это не исходило от партии, а только от вас лично и прямо к духовенству или через надежных беспартийных. Все сказанное должно быть величайшей партийной тайной, иначе нами будет проиграно очень много». (ЦДНИСО ф. 3, оп. 1, д. 1227, л. 87)

Со второй половины мая 1922 года в смоленской областной газете «Рабочий путь» стали печататься статьи, отражавшие события, происходившие в церковной жизни.

Так, 16 мая на первой странице появились заглавия: «Князья церкви и низшее духовенство», «За кем пошла церковь?», «Изъятие не противоречит догмам». («Рабочий путь», N 108, 109). В этой же газете за 22 мая было помещено восемь подобных статей. По характеру передовой статьи можно догадаться, что московское руководство не совсем довольное обновленческой пропагандой, которая проводилась в Смоленске. «... в Смоленской губернии как среди духовенства, так и среди верующих незаметно пока следов этого церковного переворота...» («Рабочий путь», N 113, 22.05.1922, стр. 1). Секретарь Губисполкома Викман даже отправлял в Москву оправдательные телеграммы, в которых свидетельствовал о своей работе в данном направлении. (ЦДНИСО ф.3, оп.1, д. 1227, л.66)

В начале июня 1922 года в рядах смоленского духовенства все-таки образовалась обновленческая партия, председатель свщ. Петропавловской церкви Петр Цветков, заместитель председателя – прот. Николай Соколов. («Рабочий путь», N 131-148, 22 июня – 7 июля 1922 года).

В некоторых уездах также появилось «лояльное» духовенство. В некоторых из них оно было даже готово к проведению съезда. Официально съезд должен был проводиться духовенством, однако этой работой фактически руководил председатель уисполкома, который отчитывался о своей деятельности перед ГПУ.

Телеграмма 6.6 22 Смоленск Смолгуботдел ГПУ

Из Духовщины Вх. 4673.с

Предполагаю провести уездный съезд духовенства по инициативе последнего.

Официально съезд будет вестись самим духовенством. Мною предполагается разъяснить съезду о лояльности Советской власти духовенству при лояльности последнего к власти. Предполагается выступление на съезде нескольких лиц под моим руководством с предложением резолюции, выработанной мною... О дне и порядке съезда будет сообщено дополнительно.

Председатель Исполкома
Дмитриев.
Уполномоченный
Марченков.
Расшифровал
Проскуряков.

В свою очередь активные представители обновленческого духовенства в письмах докладывали председателю уисполкома о каждом шаге своей работы в данном направлении.

Рассматривая отчеты агентов ГПУ, еще раз приходится убедиться в том, что обновленчество было профессионально спланированным разложением Церкви. Оно осуществлялось откровенным обманом и финансировалось властями. Здесь хочется привести фрагменты некоторых отчетов.

Совершенно секретно:

«Получил от Губкома РКП для работы по расколу 15 млн. рублей для гражданина Костовского и прот. Маркова».

«Получил от Губкома РКП для работы по расколу 15 млн. рублей для гражданина Редкова и Зыкова».

«Получил от Губкома РКП для работы по расколу 15 млн. рублей...»

Член РКП Никольский»

Н. Никольский, ректор Смоленского Университета, выпустивший в последствии книгу «История Русской Церкви», был одним из самых активных сотрудников ГПУ, работавших с духовенством. Ему принадлежит характеристика одного из лидеров обновленческого движения, благочинного Духовщинского уезда прот. Маркова. «Этот тип с высшим образованием, убеждений, пожалуй, атеистических.... За Марковым и еще двумя попами пойдет весь Духовщинский уезд... Марков не против поехать в Москву. С трибуны он выступит о помощи голодающим... (ЦДНИСО ф3, оп1, д 1227, л 136)

Одновременно он писал статьи в «Рабочий путь»... «А потому мы здесь снизу смело приветствуем новое течение и новое движение»... и отчеты в ГПУ: «Даю сию доверенность гражданину Дурову В.И. на получение денег за мои статьи в «Рабочий путь», а также всякого рода авансов за текущие работы». (ЦДНИСО ф. 3, оп 1, д. 1638, л 103)

Примечательно, что даже официальный обновленческий журнал «Живая Церковь» распространяли не священники-обновленцы, а агенты ГПУ, соблюдая полную секретность. (ЦДНИСО ф. 3, оп 1, д. 1638, л 100)

16 июня 1922 года трое авторитетнейших иерархов митрополит Владимирский Сергей Страгородский, архиеп. Нижегородский Евдоким и архиеп. Костромской Серафим в своей «Декларации» признали ВЦУ «единственно канонической законной властью. Позднее авторы признаются, что действовали в надежде возглавить ВЦУ и повернуть его в каноническое русло, но на момент опубликования послание несло разрушительную силу. Оно являлось огромным соблазном, ведь митр. Сергей, пользовавшийся репутацией выдающегося богослова и канониста, был образцом поведения для многих, в особенности молодых архиереев и священников.

9 июля 1922 года в церковной жизни Смоленска произошло событие, сопоставимое по своим последствиям с «меморандумом 3-х архиереев». Смоленский епископ Филипп, 2 месяца находившийся под стражей, опубликовал в местной прессе свою «исповедь», в которой объявил себя сторонником обновленческого движения и изложил свою программу церковных реформ. («Рабочий путь» N 150, с. 2). В двухтомнике «Архивы Кремля» написано, что в мае 1922 года еп. Филипп признавал ВЦУ. Никаких сведений о более раннем признании

епископом Филиппом обновленчества, чем то, которое было отражено в «исповеди», автору данной работы найти не удалось. Также, к большому сожалению, не удалось найти никаких сведений о губернском обновленческом соборе, проведение которого намечалось на август 1922 года.

Примечательно, что еще три месяца назад в воззвании против изъятия церковных ценностей еп. Филипп говорил о необходимости следования патриарху Тихону. Скорее всего, в тюрьме на епископа было оказано давление. В книге Каржанского «Процесс смоленских церковников» можно увидеть сбивчивость показаний, и даже полный отказ от своих слов многими подсудимыми.

Но, так или иначе, после публикации «исповеди» епископа Филиппа смоленские чекисты и живоцерковники праздновали победу. Ликование присутствовало в каждой газетной строчке, посвященной церковной жизни.

В августе 1922 года, а не в марте, как написано в «Архивах Кремля...», в Смоленске проходил так называемый «Процесс смоленских церковников», поводом для которого стало сопротивление в деле изъятия церковных ценностей. Данный процесс явился примером того, как в ходе судебных разбирательств в 1922 году велась подготовка к главному процессу – процессу патриарха Тихона.

Не случайно Трибунал привлек в качестве свидетеля по делу «смоленских церковников» особо доверенного единомышленника патриарха Тихона – ректора и профессора Московского археологического института А.И. Успенского, распространявшего воззвание патриарха от 28 февраля 1922 года в Смоленске.

В результате предварительного следствия по процессу смоленских церковников привлечено 45 лиц, среди которых епископ Филипп. Он обвинялся в распространении послания патриарха Тихона, также ему ставили в вину распространение собственного воззвания верующим, в котором он призывал верующих церковных ценностей не отдавать. Примечательно, что в деле Смоленских церковников самые тяжелые обвинения были возложены на мирян, сыгравших наиболее активную роль в деле сопротивления изъятию церковных ценностей. Четверо из них приговорили к смертной казни – Залесского, Пивоварова, Мясоедова и Демидова. («Рабочий путь», N 190, 20 августа 1922 года, стр. 1)

Вскоре после заключения под стражу епископа Филиппа в Рев. Воен. трибунал стали поступать заявления – просьбы от жителей Смоленска об освобождении епископа и выдачи его на поруки. Самый большой список просителей был составлен на Смоленской электростанции, она в этом движении была первой, но вскоре присоединились почти все предприятия города. Это весьма беспокоило властей, т.к. еще в 1921 году именно из-за широкого народного движения не удалось выслать епископа Филиппа за пределы Смоленщины.

Экстренно начинается новый этап агитации, на этот раз власти не собираются идти навстречу людям. Агенты ГПУ вновь появляются на всех предприятиях, подслушивают любые разговоры от рабочего места до курилки. (ЦДНИСО ф. 3, оп 1, д. 1638, л 23) К моменту начала судебного процесса все подозрительные лица были арестованы, а на электростанции по решению Смолгубкома РКП было заменено руководство. На самом суде о просьбе граждан никто не вспоминал. (ЦДНИСО ф. 3, оп 1, д. 1638, л 57)

21 августа еп. Филипп произнес свое последнее слово на суде, которое стало логическим завершением «исповеди». Один из обвинителей еп. Филиппа Андреевский сказал: «Действительно в первый раз в обстановке суда нам приходилось слышать как авторитетнейший и популярнейший представитель высшего духовенства, епископ Смоленский и Дорогобужский Филипп, открыто обличал не только представителей высшей церковной иерархии, но и самые основы устройства Православной Церкви». Впоследствии архиерей говорил, что произнес эту речь под давлением. Ему было дано обещание – если он произнесет подобную речь, не будет ни одной смертной казни. За время ареста и судебного процесса власти буквально выжали из епископа все, что им было нужно, поэтому приговор оказался столь «мягким» – ему было объявлено общественное порицание.

Будучи приговорен к условному наказанию, епископ получает от ВЦУ назначение в Крым, однако через несколько дней он загадочно исчезает из своего дома, оставив письмо из двух строк: «ухожу в затвор. Бегу от мира сего вследствие усталости, расшатанности нервов» («Безбожник» № 8, стр. 6, 1923 г.) Через несколько дней епископ Филипп был арестован и сослан.

В результате процесса смоленских церковников был нанесен серьезный удар Церкви: епископ публично опозорен и арестован, архиерейская кафедра обезглавлена, видные представители мирян расстреляны и приговорены к различным наказаниям. Казалось бы, теперь обновленцам открылась прямая дорога для полного утверждения в Смоленске...

В 1923 году после обновленческого собора на Смоленскую кафедру попал «архиепископ» А. Дьяконов. Новый «владыка» очень скоро прославился своими авантюрными наклонностями. Уже к середине 1924 года большая часть Смоленского духовенства отказалась подчиняться «архиепископу» Алексею. (Соколов В. «Плотник из Даниловой слободы», «Православная Москва», № 18 (78), июнь 1996 г., с.6) В 1925 году обновленцам в Смоленске принадлежали только кафедральный собор и Богоматерская церковь. (ГАСО ф. 161, оп 4, д. 7, л 17)

Но все же число церквей, принадлежащих обновленцам в Смоленской епархии было высоким по сравнению с другими регионами.

Так, в 1924 году в Смоленской епархии, согласно данным, приведенным в книге А. Левитина, обновленцы имели 386 храмов. Это количество уступало только Воронежской (746 церквей), Тульской (709 церквей), Кубано-Черноморской (482 церкви), Владимирской (390 церквей) епархиям. Для сравнения, в Московской епархии обновленцам в это время принадлежало 90 церквей, в Тверской епархии – 16 церквей и 17 священников. В ведении Священного Синода на территории всей страны находилось 10049 церквей, 19 монастырей, 9378 священников. Исходя из этих данных, можно предположить, что обновленчество на Смоленщине было относительно сильно. Но какова же была эта относительная сила обновленцев?

К сожалению, удалось найти лишь отрывочные сведения о состоянии обновленчества на Смоленщине в сер. 1920-х годов. Так из данных секретного информационного письма Смоленского Губернского Совета Союза Воинствующих Безбожников СССР, приведенных в книге М.Фэйнсона, известно, что в 1925 году в Смоленской губернии было 548 церквей и 736 священников. Мерл Фэйнсон пишет, что массы православных в Смоленске оставались верными патриарху Тихону и из информационного письма ясно, что в приходах борьбу выигрывали представители патриаршей Церкви, несмотря на то, что в 1925 г. фактически обновленческих священников было больше. (301 свщ. – патр. Ц., 344 – обн., 91 – не охарактеризовали свою ориентацию.) Мы видим, что данные книг Левитина и Фэйнсона входят в противоречие. Но общая картина того, что представляло собой обновленчество на Смоленщине, все же вырисовывается.

После процесса смоленских церковников и до 1924 года православная епископская кафедра фактически пустовала. В 1923 году в Смоленск был назначен викарным епископом Валериан (Рудич), ставленник патриарха Тихона. Из информационной сводки VI отделения секретного отдела ОГПУ «о состоянии православных церковников» по губерниям СССР (ок. 1 января 1924 года) удалось узнать, что его охотно поддерживает население Смоленска, т. ч. и материально, что он «весьма популярен в кругах нэпманов, интеллигенции, кликуш.» Многие представители обновленчества, как миряне, так и духовенство, испытывали колебания, склонялись к православной церкви. В данном документе это объяснялось тем, что православная церковь имела «более твердую материальную базу». Во всех уездах наблюдалось откровенное сочувствие патриарху Тихону. Обновленцы преследовались как материально, так и физически. Так, в Рославле толпа из 200 человек пыталась растерзать местных руководителей обновленчества. Нужно отметить, что в Рославле было особое сопротивление обновленцам, которое было связано с деятельностью архим. Рафаила (Баутина). Но об этом речь пойдет позже.

Внутренняя слабость, тупиковое положение обновленчества особенно ярко видны из протокола пленума Смоленского Епархиального управления (1927-1928 гг.), проходившего под руководством «епископа» Дмитрия (Крылова).

Необходимо сказать, он осознавал то, что обновленчество, хотя и терпимо в государстве, но ничем не отличается от других подобных религиозных течений и одинаково с ними признается «реакционным по существу и контрреволюционным по характеру своей работы и своих задач». Он призывал принять «все меры к тому, чтобы наша работа и наше движение не могли быть подозреваемыми ни в реакции, ни в сочувствии контрреволюции. (ЦДНИСО ф. 3, оп 1, д. 3647, л 105)

Под пунктом N 2 данного протокола значился вопрос о «бегстве духовенства в связи с материальной необеспеченностью и заменой праздных мест». Левитин пишет, что материальное положение большинства обновленческих священников было действительно «невыносимым». Епископ Дмитрий отмечал, что в результате данного явления, священниками становятся люди «мало отвечающие своему положению», и предлагал провести «чистку», подобную той, которая проводится «в гражданской жизни». Об общем нравственном уровне обновленческого духовенства также свидетельствуют случаи присвоения денег, принадлежащих Епархиальному Управлению теми, кому они были доверены. (ЦДНИСО ф. 3, оп 1, д. 3647, л 106)

Особая боязнь и в то же время ненависть присутствовали у обновленцев в отношении к патриаршей Церкви. В протоколе отмечается усилившаяся деятельность тихоновцев, выражавшаяся в переосвящении «наших иереев», «клевете» и т.п. «Информационно-организационный отдел ставит своей задачей борьбу с этим злом и своевременное оповещение духовенства епархии».

Один из членов пленума отмечает «усилившиеся попытки тихоновцев сорганизоваться в одно монолитное целое с целью усиления нажима на обновление».

Так, Смоленский кафедральный собор, хотя и принадлежал обновленцам, но в то же время часть приходского совета собора, состоящая, видимо, из членов старой общины, занималась «особо зловредной» деятельностью – стремилась к «организованному подрыву авторитета правящего епископа и нового совета с явной целью передачи собора тихоновцам или же закрытия его в случае неуспеха в его захвате в распоряжение тихоновцев». (ЦДНИСО ф. 3, оп 1, д. 3647, л 107) Из документа, опубликованного в сборнике «Архивы Кремля», удалось узнать, что борьбе с обновленцами за кафедральный собор во многом способствовало появление в Смоленске в 1924 году епископа Валериана (Рудича). Члены церковного совета кафедрального собора обращались в Синод с обвинениями против епископа Дмитрия. Эта группа, как отмечается в протоколе, «умышленно играет в руки тихоновцам, ведущим тайную, а в настоящее время и явную агитацию с целью вырвать собор из рук обновленцев». (ЦДНИСО Ф. 3, оп 1, д. 3647, л 108). Т.о., в конце 1920-х годов велась целая борьба за здание кафедрального собора.

Слабость обновленчества подмечалась и антирелигиозными работниками. Из отчетов по антирелигиозной работе удалось узнать, что на территории Западной области, в которую входила Смоленщина, в 1929 году патриаршая Церковь имела 1041 церковь и 1275 священников, обновленческая – 525 церквей и 644 священника, ВВЦС – 29 церквей и 50 священников. Нужно сказать, что эти данные также входят в противоречие с теми, которые опубликованы в книге Левитина «Очерки». Невозможно представить, чтобы к концу 1920-х годов на Смоленщине увеличилось количество действующих церквей. Можно только предположить, что в эти данные могли войти храмы, которые находились на тех территориях, которые вошли в границы Западной области в 1929 году. Но так или иначе, отчет показывает, что обновленцы к концу 1920-х годов имели почти в два раза меньше церквей и священников, чем представители патриаршей Церкви. В отчете прямо говорилось: «обновленчество еще недостаточно укрепились и весьма слабо конкурирует с тихоновщиной.... В целом ряде округов налицо абсолютное влияние тихоновцев». (ЦДНИСО ф. 5, оп 1, д. 811, л 10). В отчете также говорилось, что большое количество монахов и монахинь ликвидируемых

монастырей способствовали укреплению позиции патриаршей церкви, являясь активными проповедниками среди населения.

Надо отметить, что с 1929 года власти изменили методику борьбы с Церковью и перестали нуждаться в пособничестве обновленцев. Об этом говорит следующий факт: большинство храмов, закрытых в Смоленске в 1929 году, принадлежало патриаршей Церкви.

О. Владислав Цыпин также писал, что в 1930-е годы уже не было прежней широкомасштабной поддержки обновленческого раскола со стороны властей, т.к. в это время большевистская власть главное средство в борьбе с Церковью видела в терроре, а не в подрыве и разложении изнутри. «Поэтому бывшая заинтересованность в искусственном удержании наплыва обновленческого раскола отпала. Как это отражалось на Смоленщине?

В 1930-е годы обновленчество на Смоленщине стало постепенно терпеть крах и разложение. В 1933 году был закрыт «оплот обновленчества» – кафедральный собор. Важно отметить, что к этому времени община собора пришла к внутреннему и внешнему разложению. Об этом говорит тот факт, что община даже не заявила ни одного протеста против закрытия собора. (ГАСО ф. 2360, оп 1, д. 347, л 5)

В конце 1933 года действующих обновленческих церквей в Смоленске осталось в два раза меньше, чем патриарших. Об этом говорилось в жалобе обновленческой общины Троицкой церкви, которую собирались закрыть. Жалоба направлялась во ВЦИК. В ней говорилось, что в противоречие законодательству (ВЦИК), «со стороны Гражданской власти не было сделано ... конкретных указаний на нарушение верующими договорных условий...», также постановление о расторжении договора на право пользования культовым зданием и имуществом не объявлялось под расписку. Кроме того, члены общины свидетельствовали, что с закрытием Троицкой церкви они совершенно лишены будут храма: Георгиевская церковь труднодоступна из-за горы и грязи, а кладбищенская (Тихвинская) из-за дальности расстояния. И произойдет то, что обновленцы останутся без возможности удовлетворить свои религиозные потребности, а тихоновцы, имеющие вдвое более церквей, будут торжествовать победу, доставшуюся им без борьбы и усилий, благодаря постановлениям Облисполкома». (ГАСО ф. 2360, оп 1, д. 347, л 44)

К сожалению, материалов, свидетельствующих о дальнейшей судьбе обновленчества на Смоленщине, найти не удалось. Но можно с уверенностью сказать, что в 1930-е годы власти уже практически не делали различий в отношении к патриаршей и обновленческой Церкви. Так, например, в середине 1930-х годов в Смоленске репрессиям подвергались священники, служившие как в обновленческих, так и в патриарших храмах. (ГАСО ф. 2360)

В 1935 году осуществился самороспуск Синода, единого центра обновленчества. В это время церковная распря сводилась к борьбе между двумя иерархами.

В центральной России во второй половине 1930-х годов действующих обновленческих храмов было меньше, чем православных. Так в Москве после 1937 года действовало 7 обновленческих храмов, в Ленинграде – 5, в Смоленске после закрытия Георгиевской церкви (1937 г.) – один храм. (ГАСО ф. 2360, оп. 1, д. 67, л. 80-81 об)

В годы Великой Отечественной Войны обновленцы никакого влияния не имели. К концу 1944 года в обновленчестве осталось лишь несколько честолубивых пастырей, покинутых своим образумившимся стадом.

Рассматривая данный вопрос, необходимо сказать, что особую важность для нас представляет то, как обновленчество утверждалось в провинции, в уездах. Нужно отметить, что самое сильное сопротивление обновленчеству оказывало монашество. Иллюстрацией к этому может служить происходящее в городе Рославле.

Как известно, в 1922 году в Смоленске образовалась обновленческая епархия. Иеромонах Рафаил (Ивочкин), автор книги об архимандрите Рафаиле (Баутине) пишет, что в Рославле многие приняли ВЦУ как законный орган управления Церковью. О неприятии или признании этого органа архим. Рафаилом в это время сведений нет. Однако после образования новой группировки епископом Антонином были составлены протокол и телеграмма, в которой говорилось о положительной оценке новой программы рославльским

духовенством. Иером. Рафаил (Ивочкин) предполагает, что арх. Рафаил был введен в заблуждение, т.к. кроме всего прочего, он получал письма от неизвестных людей с разъяснением происходящего. Последующие документы показывают настоятеля и братию монастыря признающими патриарха Тихона главой Церкви, а также резко отрицательное отношение к ВЦУ и готовность пострадать за правду. Так, в письме одного из насельников Рославльского монастыря от 12 декабря 1922 года говорится, что епископ Рославльский Вениамин (Глебов) и арх. Рафаил (Баутин) «совершенно отделились от живой Церкви и никакого начальства над собой не признают и основали свою самостоятельную Церковь», оставаясь на своих местах. Т.о., можно сказать, что духовенство в провинции подчас было дезориентировано насчет происходящего в столице.

Смоленское ВЦУ прикладывало все усилия, чтобы убрать арх. Рафаила. В сентябре оно направило телеграмму арх. Рафаилу, в которой говорилось, что он запрещается в свщ. служении без права ношения креста и рукоблагословения, а также архимандрит Рафаил должен был покинуть город и отправиться в определенное ему место жительства. То же касалось и епископа Рославльского Вениамина. Но ни архимандрит, ни епископ не признали этого постановления. Мало того, отец Рафаил «послал ВЦУ к свиньям. В случае если появится новый епископ или архимандрит в городе Рославле, то его поганой метлой прогонят». (Арх. УФСБ по Смоленской области. Арх. N 2653-с, л 12)

Монастырь выбрал сторону законной власти законного епископа. На заседании совета общины верующих принято решение: «никакого ВЦУ как духовного руководителя над собой не признавать и в молитвенное общение с ним не входить. Оставаясь строго православными, признавать своим духовным руководителем и главой еп. Вениамина Рославльского. Просить его оставаться в городе Рославле».

Рославльские обновленческие священники не могли не мстить арх. Рафаилу и еп. Вениамину за непризнание их власти. ВЦУ своими силами не могло расправиться с неудобными им людьми. Свои неразрешимые проблемы оно решало с помощью ГПУ. Лидеры обновленчества в декабре 1922 года обратились в Смоленское управление с заявлением, в котором говорилось, что «ВЦУ слагает с себя ответственность за дальнейшее пребывание в Рославле» архим. Рафаила и еп. Вениамина. Заявление написано очень тактично, хитро. Невольно из строк заявления проглядывают слова: «они нам мешают, уберите их, вы ведь сила, покажите ее на деле». В управлении все поняли. Резолюция уполномоченного: «...Передать через отдел управления, т.к. нам неудобно, чтобы в назначенный срок их убрали».

Назначенный срок наступит несколько позже, в 1923 году, а пока, как пишет арх. Рафаил (Ивочкин), монастырская жизнь оставалась такой же, как «в старое время».

8 марта 1923 года арх. Рафаил и епископ Вениамин были задержаны без предъявления обвинения, как сообщали анкеты арестованных. Верующие не могли с этим смириться. Община обратилась в Смолгубисполком с ходатайством об освобождении арестованного духовенства. Были избраны уполномоченные в ходатайстве – служащие станции Рославль Орловско-Рижской железной дороги Киреев и Харитонов. Вдохновителем ходатайства, можно сказать, был председатель приходского совета Петропавловской церкви города Лютомский Иван Викентьевич. Под документом, уполномоченным Киреевым и Харитоновым, 95 подписей. Из последующих строк заявления видно, что верующие догадывались, из-за чего были арестованы их пастыри. «Смеем думать, что еп. Вениамин и архим. Рафаил... просто оклеветаны перед Советской властью иначе верующими христианами, часто ищущими не правды, а наживы для удовлетворения личного честолюбия». Архимандрит Рафаил пишет, что самое главное обвинение, предъявляемое задержанному духовенству – создание местной автокефальной Церкви с «тихоновской окраской», которая могла стать препятствием для обновленчества. 8 августа состоялся суд. Епископа Вениамина и арх. Рафаила освободили, и они возвратились в Рославль.

Еще по освобождении патриарха Тихона, в Рославле, как и по всей стране, обновленчество начало терпеть поражение. В храмах за богослужением продолжали

поминая патриарха и епископа Вениамина. Священники нескольких храмов вели большую разъяснительную работу среди прихожан об обновленческом движении. Одно из писем обновленческого священника на имя благочинного свидетельствует, что в их среде царила паника и уныние. Освобождения епископа Вениамина и арх. Рафаила они не ждали.

В последних числах августа арх. Рафаил и епископ Вениамин возвратились в Рославль и начали работу по восстановлению разрушенного мира на приходах. Арх. Рафаил требовал поминовения патриарха Тихона во всех храмах города и уезда. Настоятелю энергично помогали насельники монастыря, в частности, игумен Феодосии, восхищавшийся его твердостью. Интересно одно из его писем: «Настоятель наш возвратился в монастырь. Страшно нападают красные попы – угрожают смертью и Сибирью. Мы служим и поминаем святейшего патриарха Тихона. Смоленского Алексея Ивановича не поминаем. Он в Рославле был, в соборе проповедовать стал, что никаких святых нет, и не было. И это, говорит, выдумали монахи для наживы...» и т.п.

Все это не могло не раздражать живоцерковников, которые еще раз прибегли к «испытанному средству» для достижения своих целей. В «органы» один за другим летели доносы. Наиболее пышный злом и позорный донос пришел от самого «архиепископа» Алексея. Основная мысль: монахи – вредители, туеядцы, воры и мошенники. Здесь хочется привести отрывок из этого доноса. «В республике трудящегося народа он (архим. Рафаил) культивирует почву среди монахов, занимающихся разжиганием на религиозной почве страстей (неразборчиво) части города Рославля... Самовольное вторжение в приходы Рафаила и его братии при участии определенных сотрудников из мирян терроризирует спокойное верующее население города, давая некоторым право действительно говорить... «ему все позволено»... Следовательно, из братии монастыря и некоторых мирян под главенством Рафаила образовалась шайка церковных террористов, и из арх. Рафаила стал попросту атаман Рафаил...» После прочтения данного документа у Иером. Рафаила (Ивочкина), автора книги об арх. Рафаиле (Баутине), сложилось впечатление, будто он увидел змея, пожирающего себя в бессильной злобе.

В сентябре архим. Рафаила вновь арестовали. Среди всего прочего он сказал: «Со дня моего появления в Рославле – живоцерковничество потерпело крах и разбежалось, и хромает, что производит большое впечатление на верующих... Теперь, я отлично понимаю, что мне в Рославль не возвратиться и в этом виноваты лидеры живоцерковничества...».

Нужно отметить, что в показаниях он говорил о признании патриарха как правильно избранного поставленного. Советскую власть он считал авторитетной, отрицал свое участие в любой контрреволюционной деятельности и признавал, что боролся исключительно с живоцерковниками. Заключение под стражей архимандриту Рафаилу сменили на ссылку. Известно, что в 1942 году он возвратился в Рославль, но служить в открытом Преображенском соборе бывшего монастыря ему не разрешили. Документов, которые могли бы разъяснить причину этого, найти не удалось.

Важно отметить, что позиции обновленцев в Смоленске были нетвердыми, несмотря на то, что число обновленческих храмов на Смоленщине было одним из самых больших по сравнению с другими регионами страны. Сила обновленцев заключалась лишь в поддержке властей, в «покровительстве органов безопасности», в использовании самых нечистых методов работы – лжи, клеветы, доносов. Значительное количество простых верующих к обновленцам относилось отрицательно, случалось, что если к обновленчеству склонялось православное духовенство, то верующие отказывались его поддерживать. Особо важную роль в сопротивлении обновленчеству сыграло монашество, и здесь мы видим наиболее яркий и характерный образ – архим. Рафаила (Баутина). Вообще, обновленцы осознавали силу православной церкви и по отношению к ней проявляли низкую трусость и малодушие. Положение обновленчества было тупиковым. С конца 1920-х гг., когда власти нашли более эффективные методы борьбы с Церковью, обновленчество стало разлагаться и превращаться в «выкидыш» согласно замыслам идейных вождей коммунизма.

В середине 20-х годов прямые гонения на Церковь несколько стихают. Это во многом

было обусловлено общим политическим курсом Советской власти – НЭПом. Руководство ЦССВБ, прежде всего Ярославский, в середине 20-х гг. призывали не форсировать искусственно процесс преодоления массами религиозного сознания, избегать административных мер в работе... «работа предстоит длительная...», она должна быть рассчитана на годы, десятилетия, нужно запастись терпением, нужно выработать подход к каждой группе населения».

В 1923 году вышло постановление ВЦИК «О порядке закрытия церквей», которое указывало на необходимость четкости и осторожности в данном деле. Согласно этому документу, ни один храм нельзя было официально закрыть без ведома губернской власти – все дела должны были решаться согласно постановлениям Президиумов Губисполкомов, обязательно требовалось указание мотивов и оснований для расторжения договора с общиной и закрытия храма. (ГАСО ф.61, оп. 1, д. 66). Однако этот документ подчас не оказывал никакого влияния на происходящее в провинции.

В ряде уездов Смоленской губернии в деле закрытия церквей царил произвол, подогревавшийся молчаливым удовлетворением властей. Как свидетельствует одно из постановлений губернской власти, церкви закрывались без достаточных оснований, «без санкций Губисполкома». (ГАСО ф.161, св. 1, д.6, л. 13) Данное явление официально не приветствовалось – церкви должны были закрываться согласно постановлению ВЦИК. Однако закрытие храма нельзя было осуществить до окончательного разрешения договора. Невыполнение этих условий должно было преследоваться как превышение власти.

Далее в этом документе перечисляются условия закрытия церквей: контрреволюционные выступления членов общины, нехватка в данной местности помещений, желание трудящихся закрыть церковь, халатное отношение членов общины к культовому имуществу. Эти условия можно было обнаружить везде по желанию властей. Стоит только принять во внимание, что чествование патриарха Тихона носит характер явно политической демонстрации... даже если не имеет демонстративный характер и может явиться основанием для расторжения договора с общиной. (ГАСО ф. 161, св. 1, д. 6, л 14) В описательной части квартального отчета П-Отд ГАО говорится о ведении ОГПУ по делу халатного отношения к культовому имуществу со стороны 5 религиозных общин города Смоленска. Это обвинение могло быть сфабриковано с учетом вышерассмотренного Губернского постановления. Можно предположить, что само постановление фактически давало повод к существованию произвола, против которого официально протестовало. Это приоткрывает сущность большевистских ухищрений в борьбе с Церковью.

В середине 20-х гг. в деле закрытия церквей большевики использовали различные методы. Как показывают архивные материалы, в середине 20-х гг. одним из важных направлений большевистской работы по уничтожению Церкви было экономическое давление, одним из следствий которой должно было стать закрытие храмов.

В этот период священники находились в статусе лишенцев, церкви подлежали обязательному обложению огромными страховыми суммами, будучи переданными верующим «в арендное пользование на договорных началах». (ГАСО ф. 161, оп. 1, св.1, д. N2, л. 136)

Невозможность выплатить непосильные суммы должна была служить поводом к закрытию храмов.

В течение 1924-1925 гг. в Смоленске было застраховано 25 религиозных общин, они выплачивали огромные по тем временам суммы – самая малая среди них, выплачиваемая общиной св. Гурия... составляла 7200 р.з., а самая большая 241460 р. з., выплачиваемая общиной кафедрального Собора. (ГАСОф.161, св. 1, оп 1, д. N2)

Бедным деревенским храмам выплачивать огромные суммы было не под силу. Уже с июня-июля начинают поступать отказы страховать церкви в деревнях. Уездная милиция начинает посылать письма-угрозы. (ГАСО ф. 161, св. 1, оп. 1, д. N 31)

На начало 1926 года по каждому уезду 10-20 незастрахованных церквей. (ГАСО ф. 161, св. 1, оп 1, д. N 2)

Начальники всех уездных милиций Смоленской губернии получили постановление, в котором говорится о необходимости вести неослабный надзор за выплатой страховых сумм, о том, что неуплата страховых взносов подлежит привлечению к уголовной ответственности и отобранию зданий. Общинам поступают ультиматумы: или в течение двух недель проводится страхование церкви или все отбирается. (ГАСО Ф. 161, оп 1, св. 1, д. N 2) Милиции официально дается право принимать меры принудительного характера в отношении уплаты страховых премий. (ГАСО Ф. 161, св. 1, оп 1, д. N 2)

Циркуляр Наркомфина за 19 июля 1926 года свидетельствует, что культовые здания, выявленные не состоящими на учете, подлежат внесению в списки национализированных зданий. (ГАСО Ф.1, св. 1, оп 1, д. 23, л 50)

Выявить количество церквей, закрытых за неуплату страховых сумм, не представляется возможным. Среди материалов ГАСО удалось встретить лишь несколько документов, свидетельствующих о закрытии бедных деревенских храмов, которые, наверное, не исчерпывают список закрытых церквей по данному делу.

Свидетельством, являющим истинную причину обложения церквей огромными суммами и реальное отношение к данному делу официальных постановлений власти, служит следующий факт.

Согласно секретного разъяснения Административного Отдела НКВД (1925 г.) «средства, положенные выплате церкви при несчастных случаях «ни в коем случае» (ГАСО Ф. 161, св. 1, оп .1, д. 31, л .7) не должны были отдаваться членам общины с мотивировкой, что собственником здания храма является государство». (ГАСО 161, св. 1, оп. 1, д. 31, л. 1,7)

Хотя на основании постановления ВЦИК от 24 августа 1925 года, опубликованного в известиях ЦИК СССР и ВЦИК от 06.09.1925 г за 30212535 и согласно циркуляра Наркомата внутренних дел от 24 декабря 1923г за N 467 страховые суммы должны были выдаваться верующим на восстановление здания храма. (ГАСО 161, св. 1, оп. 1, д. 5, л 103)

В губернии данный вопрос решался согласно секретного разъяснения НКВД. Выписка из циркуляра смоленской губернской конторы гос. Страхования от 18.09.25. гласит о передаче сумм за сгоревшие молитвенные здания Губ. и Обл. исполкомам. Обращения верующих в губернские органы власти с просьбой о передаче им денег за сгоревшие молитвенные здания на основании известных документов не приносили никаких результатов (ГАСО Ф. 161, св. 1, оп. 1, д. 5, л .103)

Т.о. вопрос закрытия церквей по причине неуплаты страховых сумм на местах решался согласно постановлениям НКВД.

О том, что в середине 20-х годов происходила подготовка к новому этапу гонений на Церковь и, соответственно к массовому закрытию храмов свидетельствует перерегистрация приходов, проведенная на Смоленщине в 1924 году, согласно секретных инструкций НКЮ и НКВД. Благодаря внесению в анкеты новых вопросов, по всей видимости, предполагалось получить подробную информацию о членах общины, необходимую для заведения в будущем уголовных дел. Важно, что работа «органов» проводилась в строгой секретности. В одном из документов отмечено, что «видимое вмешательство ГПУ и ГОЧ необходимо устранить». (ГАСО Ф. 161, св. 1, оп. 5, д. 10, л. 55)

По замыслу большевиков одним из средств борьбы против церкви должна была стать антирелигиозная пропаганда. Ведь согласно постановлению 1925 года по желанию рабочих храмы могли быть закрыты.

Но как показывают архивные материалы и периодическая печать того времени, данная работа имела успех только на бумаге. Последнее ярко иллюстрирует происходившее в городе Ярцево. В городе рабочих согласно коммунистическим воззрениям не должно быть места проявлениям религиозности, но часть рабочих сумела добиться у вышестоящей власти разрешения на постройку нового храма.

На секретном совещании узкого архива ВКП (б) была запланирована работа по мобилизации общественного мнения рабочих и служащих, с целью не допустить постройку церкви в городе Ярцево. (ЦДНИ-СО ф-р. 3, оп. 1, д. 3120, л. 73). Предполагалось направить

агитацию не только на рассудок, но и на чувства верующих. (ЦДНИСО ф-р. 3, оп. 1, д. 3120, л. 71) На всех партийных профсоюзных поместных собраниях присутствовало 6617 человек, выступало с докладами 359 человек: беспартийных 259, партийных – 74, комсомольцев – 26, только два человека выступили в пользу церкви. Общее постановление гласило: «настроение против Церкви создано». Однако в документах после 18 резолюций против строительства церкви удалось найти выписки из двух протоколов. «Антирелигиозная работа не ведется совершенно. Организована только одна ячейка СБ и та лишь недавно закончила свое оформление. Между тем значительное количество церквей и духовенства обязывает эту работу развернуть». Выписка после всех парадных заявлений заставляет предположить, что реально в Ярцево почти ничего не делалось, мероприятия лишь формально значились на бумаге. Необходимо сказать, что антирелигиозная работа в Ярцево находилась в неподвижном состоянии и в 1928 году. В газете «Рабочий путь» была даже помещена статья «Тревожные вести из Ярцевского уезда», где прямо сказано: «Ячейки безбожников бездействуют. Волостные центры безбожников не работают. Руководства низовыми ячейками со стороны уездного совета союза нет». (РП N 285. 28 декабря 1928 г. стр. 4). Интересно отметить, что о слабости антирелигиозной работы свидетельствуют и единичные случаи строительства храмов в сер. 1920-х г. Из отчета по антирелигиозной работе довелось узнать, что в 1926 году в одном из сел Вельского уезда (ныне Тверская обл.) был построен храм за счет средств, собранных крестьянами. Это явление объяснялось отсталостью и темнотой крестьян и подобное уже не разрешалось осуществить передовому классу рабочих. (ЦДНИСО ф-р. 3, д. 3120, л. 34)

В 1920-е годы в условиях разворачивающегося гонения на Церковь в Смоленске деятельность Губ-музея была одним из препятствий на пути разграбления и закрытия храмов.

Особый интерес для нас представляет то, что в начале 1920-х гг. заведующим Смолгубмузея был сын настоятеля Успенского собора прот. Дмитрия Ширяева – Сергей Дмитриевич Ширяев. Анализируя документы начала 1920-х годов, можно сказать, что многие церкви в Смоленске и губернии были спасены от вандализма комиссаров только благодаря его удивительно твердой позиции.

Согласно инструкции ВЦИК от 2 января 1922 года представителям губмузеев предоставлялись достаточно широкие полномочия в ходе изъятия ценностей из церквей. В каждую комиссию должен был входить специалист из губернского или уездного музея, если невозможно было этого сделать, то изъятые имущество в любом случае должно было проходить через музей, т.к. только этот орган давал окончательное решение – что можно изъять и что нужно оставить. Инструкция четко оговаривала, что недопустимо изъятие предметов, имеющих древность до 1725 года, и в виде исключения допустима ликвидация ценностей эпохи от 1725 до 1835 года, запрещалось повреждение или изменение интерьера храмов (например, снятие царских врат). (ГАСО ф. 19 оп)

Инструкция становилась препятствием на пути ограбления церквей, игнорировать ее было сложно, т.к. заведующей музейным отделом Главнауки была сама Н.Троцкая. Кривова пишет, что особая позиция Троцкой определялась весьма противоречивыми факторами. Она была руководителем ответственного ведомства, призванного обеспечить сохранность памятников искусства, и женой инициатора и главного организатора изъятия церковного золота. Троцкая выступала за более выгодную реализацию конфискованных драгоценностей на нужды революции. Понимая художественно – историческую ценность церковных ценностей, учитывая интересы западного рынка, она призывала не превращать произведения искусства в сплав. В то же время, подталкиваемая своими подчиненными, она твердо отстаивала право Губмузея осуществлять экспертизу изымаемых предметов, выступала против варварских методов проведения кампании.

Еще в феврале 1922 года, согласно циркуляра Главнауки 28\3.22. за N 014965, Смоленским Губмузеем была составлена особая комиссия по учету церковного имущества, имеющего художественную ценность. (ГАСО ф. 19. оп. 1, д. 2245, л. 32). Комиссия к марту

1922 года произвела регистрацию церковных ценностей во всех древних монастырях и церквях губернии, заключив с представителями верующих договоры с Губмузеем принятия ценностей на сохранение. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 2729, л 3-6) При твердой позиции Губмузея эта регистрация гарантировала спасения хотя бы некоторых храмов от разграбления, т.к. документы всегда можно было отправить в Москву.

Также 25 мая 1923 года вышло постановление Губисполкома об охране памятников искусства и старины в развитие подобного декрета СНК от 10.05 1918 года (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 3550, л. 45). В нем говорилось, что охрана памятников искусства и старины в пределах губернии осуществляется Комитетом по охране памятников искусства и старины при Губмузее, который должен был состоять из заведующего и нескольких сотрудников Губмузея. Всякое постановление, касающееся предметов ведения Комитета, от какого бы ведомства ни исходило, должно было подлежать предварительному рассмотрению Комитетом. Пункт 10 также гласил, что памятники не могут быть подвергнуты уничтожению каким бы то ни было способом в целом или какой-либо части, а также не могут быть предметом реставрации, ремонта, починки без разрешения Комитета. Т.о., согласно официальным постановлениям, в губернии все должно было упираться в позицию Губмузея. Но чаще всего эта организация лишь формально участвовала в изъятии, т.к. мешать сотрудникам ГПУ, грабившим церкви, было очень небезопасно. Но в Смоленске произошло как раз другое. С.Д. Ширяев не побоялся выступить против всесильного ведомства.

Первые серьезные столкновения Губмузея и Комиссии по изъятию ценностей начались еще в конце марта-начале апреля 1922 года после изъятия ценностей в Успенском соборе. 29 марта Губмузей предоставил опись предметов, имеющих историко-художественное значение и состоящих на учете Смоленского Губмузея. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 2729, л 3-6) Власти не решились пойти на конфликт, и 30 марта указанные предметы (45 наименований) были переданы Комиссией по изъятию в ведение Губмузея, в соборе оставлено лишь 7 предметов музейного значения:

- 1) Икона Смоленской Божией Матери Одигитрии.
- 2) Икона Божией Матери Иерусалимской.
- 3) Икона Божией Матери Владимирской.
- 4) Икона Спасителя – Нерукотворный Образ.
- 5) 14 подсвечников-ламп, висячих перед иконостасом.
- 6) В алтаре на престольный серебряный ковчег.
- 7) Евангелие на престольное патриарха Никона.

2 апреля Губмузей вмешался в действия Комиссии в малом Богоявленском соборе, предотвратив снятие серебряных царских врат. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 2729, л 1)

К середине апреля Губисполком и Комиссия по изъятию решили оттеснить или вовсе упразднить влияние С.Д. Ширяева. Предписанием от 20 апреля Губисполком запретил передачу ценностей, имеющих историческое значение, в распоряжение Губмузея – это касалось, прежде всего, соборных ценностей и интерьера Богоявленского храма (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 2779, л 23) Ширяев не побоялся обратиться за помощью в Москву и уже 22 апреля пришел ответ – телеграмма Троцкой, в которой говорилось, что «художественно-исторические ценности музейного значения, изымаемые из церквей, должны поступать по точному смыслу постановления ВЦИК, опубликованного 26 февраля 1922 года в Известиях на хранение в музеи, предметы же ансамблевого значения должны на основании инструкции главмузея сохраняться на местах под ответственностью Губмузея» (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 2779, л 23а)

Эта телеграмма на некоторое время уладила Смоленских комиссаров, ни одно изъятие в городе не проходило без представителей Губмузея. Гораздо сложнее обстояло дело в других регионах губернии. В Смоленский Губмузей неоднократно поступали жалобы из уездов на откровенное разграбление церквей, уполномоченные Смолгубмузея были бессильны. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 2729, л 40) Ширяев мог помочь только тем, что посылал гневные телеграммы главам уездных исполкомов. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 2729, л. 40)

Все музейные ценности, изъятые в смоленских церквях, помещались на хранение в самом музее, располагавшемся на соборной горе, в доме бывшей Духовной Консистории. В июле 1922 года в музей были перенесены оставшиеся ценности из архиерейских палат, а также архив и библиотека Смоленского кафедрального собора и епархии, так как архиерейский дом после судебного процесса над епископом Филиппом и смоленским духовенством был отдан под казарму. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 224, л. 124-125)

23 июля 1922 года Губмузею был передан бывший настоятельский дом в Болдинском монастыре, который был крупнейшим на Смоленщине. В нем разместились реставрационная комиссия главмузея, и это на какое-то время сохранило древний монастырь от окончательного разграбления. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 2245, л. 126)

Но С.Д. Ширяев не только сохранял церкви от ограбления, но и находил возможность их реставрировать. После передачи всех древних храмов Смоленской губернии в ведение Губмузея, Ширяев требует от Главного управления Научных учреждений финансовой помощи на реставрацию памятников искусства. 13 сентября 1922 года Главнаука выделила 40000 рублей на ремонт Успенской церкви Болдинского монастыря, и эта помощь была не единственной.

Может показаться удивительным, но такая активная церковная деятельность заведующего Губмузеем продолжалась до конца 1924 года, пока Ширяев не был уволен по доносу. Можно с уверенностью предположить, что это дело не обошлось без вмешательства «органов безопасности».

После увольнения Ширяева подобная работа продолжалась, но, естественно, не в таком масштабе. Удалось найти некоторые документы, которые вскользь свидетельствовали об этом – это обращение Губмузея в Смолгормилицию с целью предотвращения хулиганств, которые могут вызвать повреждения кафедрального собора, обращение в Губисполком с просьбой о помощи в ремонте церкви, находящейся под охраной Губмузея, обращение в Смолгоркомхоз с требованием о недопустимости изменения архитектуры храма без согласия с Губмузеем. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 3550, л. 37,43)

Все же деятельность Губмузея, препятствовавшая закрытию и разграблению храмов, была явлением временным. Важно отметить, что количество смоленских церквей, находившихся в ведении Губмузея, постепенно сокращалось. Так, например, в 1924 году на учете Губмузея находилось 18 храмов и 3 монастыря (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 3550, л.2), а в 1925 году – 9 храмов и 3 монастыря (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 3550, л 54 об). Т.о. за 1 год количество церквей, подведомственных Губмузею, сократилось вдвое. Списков церквей и монастырей, находившихся на учете Губмузея, за более поздние годы найти не удалось.

В 1926 году Губмузеем уже были систематизированы сведения о колоколах, которые могут быть изъяты «без нарушения историко-художественного облика» храмов. (ГАСО ф. 19, оп 1, д. 23, л 73) В 1927 году Смолгубадмотдел дал разрешение снять колокола. Это еще раз говорит о том, что в середине 1920-х годов велась подготовка к массовому закрытию храмов.

Неудовлетворенность большевиков сделанным накапливалась с каждым годом. Это отражалось в смоленской прессе. В наиболее читаемой газете «Рабочий путь» (осень 1928) можно увидеть статьи, в которых выражалось беспокойство за успехи церковников.

В первом абзаце статьи под названием «Безбожники, перейдите в наступление!» акцентируется факт наличия в рабочем Заднепровском районе Смоленска 7-ми церквей и это «на 12-ом году революции».

Как выявили партийные работники, посещаемость церквей ... в обыкновенные дни достигает 300-400 человек, а в праздничные дни 300-400 человек. Отмечается хорошее внутренне оснащение храмов (электричество, отопление) наличие платных хоров. Бюджеты церквей составляют 50-60 тыс. руб. в год. Верующие составляют 32 % населения Смоленска.

В той же статье говорится о крайней слабости антирелигиозной работы. Несмотря на то, что в Заднепровском районе 5 клубов, 19 красных уголков и кружков антирелигиозная работа поставлена из рук вон плохо, в особенности участие в антирелигиозной пропаганде. (РП N203, ноябрь 1928)

Наверное, лучше всего сказал об антирелигиозной работе заместитель председателя центрального совета СБ тов. Логинов (36, N 212) – «Каюсь! Нас, руководителей союза безбожников, нужно нещадно драть на каждом собрании, ибо я не знаю почти ни одного города в СССР, где работа СБ. была бы поставлена сколько-нибудь сносно».

Слабость антирелигиозной пропаганды являла для советской власти необходимость применения других методов для борьбы с Церковью. Местные партийные работники в статьях областных журналов призывали к закрытию храмов. «Будем помнить, что самым сильным врагом трудящихся является религия. Шутка ли сказать, что по всей нашей Западной области больше церквей, чем изб-читален. Сюда надо направить удар, да такой удар, чтобы элементы гнилого прошлого с корнем вырвать из нашей жизни».

В середине 1920-х годов велась подготовка к штурмовому наступлению на религию, которая осуществилась в 1929 году, в год «перелома».

Как показывает вышеизложенное, в это время власти пытались бороться с Церковью в основном через экономическое давление, содействие обновленчеству, проведение антирелигиозной работы. Фактически в деле закрытия церквей царил произвол, который являлся нарушением официальных законов. Действительно, через экономическое давление властям некоторым образом удалось поколебать материальную составляющую Церкви, за неуплату огромных страховых взносов было закрыто значительное количество храмов на территории Смоленской губернии. Однако, ни антирелигиозная работа, ни деятельность «преданных» обновленцев, не принесли властям ожидаемых результатов.

Уникальным явлением в первой половине 1920-х годов стала деятельность на Смоленщине Губмузея, а именно его заведующего Ширяева С.Д., который всеми возможными силами способствовал защите храмов от разграбления и препятствовал их закрытию. Но, несмотря на все, это не смогло остановить наступление той волны, которую принес год «перелома».

В 1929 дело закрытия церквей в Смоленске и на территории Смоленской епархии резко меняет свои масштабы, свою силу. Изменение политического курса в стране позволило нанести удар Церкви в рамках классовой борьбы, о чем говорили еще Ленин, Бухарин.

Мерл Фэйнсод, немецкий исследователь смоленских архивов, одной из форм наступления на религию называет массовое закрытие храмов. Он указывал, что Церковь в глазах режима являлась препятствием на пути успешного осуществления программы коллективизации и индустриализации.

Согласно замыслам ЦССВБ, закрытие церквей должно было идти рука об руку с коллективизацией и индустриализацией. В это время ЦССВБ начал разработку плана безбожной пятилетки. Е. Ярославский в докладе о пятилетнем плане работы безбожников говорил: «процесс сплошной коллективизации связан с ликвидацией если не всех церквей, то, во всяком случае, значительной части церквей... Процесс закрытия церквей должен помогать успешному ходу коллективизации. Он призывал усилить темпы закрытия церквей, доведя это дело в течение безбожной пятилетки до полной победы. В данный период об этом говорили многие деятели (Молотов, Андреев). Это была определенная линия.

В 1929 г. вышли документы, предписывающие необходимость активизации антирелигиозной работы. В директивном письме, подписанном Кагановичем, «О мерах по усилению антирелигиозной работы» члены всех советских организаций подвергались разносу за недостаточную ретивость в процессе изживания религиозности. В том документе говорилось: «религиозные организации ... являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы». Цыпин писал, что этим фактически была дана команда к широкому применению административных и репрессивных мер в борьбе с религией.

В апреле 1929 года вышло постановление ВЦИК, которое ограничивало деятельность Церкви, запрещало ей просветительскую и благотворительную работу. Оно предписывало отправлять культы только в стенах молитвенных домов.

Инструкции и циркуляры НКВД строго предупреждали исполкомы всех ступеней

надзирать за деятельностью религиозных объединений, «зачастую сращивающихся с контрреволюционными элементами и использующими в этих целях свое влияние на известные прослойки трудящихся.

Одна из директив ВКП (б) предписывала изъятие церквей у верующих для их переоборудования под культурные учреждения. (ЦДНИСО ф-р 1, оп. 1, д. 3647, л. 140)

В ответ на нее появились постановления Укомов, в которых вместе с другими рекомендациями по антирелигиозной работе предписывалось фракциям Горсоветов «ускорить решение вопроса о передаче церквей под культурные учреждения на основе постановлений избирателей, приняв меры к их переоборудованию и правильному пользованию не допуская сдачи помещений под молитвенные дома». (ЦДНИСО ф-р. 3, оп. 1, д. 3647, л. 142) Мерл Фэйнсод пишет, что массовое закрытие церквей, будучи следствием гос. и партийной политики выдавалось за желание жителей области. И с ним нельзя не согласиться.

Все это имело отражение в смоленской прессе. В конце 20-х велась пропаганда за закрытие молитвенных зданий. В начале 1929 года в «Рабочем пути», центральной смоленской газете, постоянно встречаются статьи с призывами отдать церкви под культурные учреждения. В статье «Церковь под культурные очаги» пишется, что трудящиеся различных смоленских предприятий требуют закрыть 6 церквей и Вознесенский монастырь для использования под клубы и другие культурные нужды. В N 129 от 9 июня 1929 года – большая статья с призывом «Передайте под музей Спасскую церковь!» В течение всего 1929 года газета пестрила статьями с призывами о передаче церквей рабочим Западной области и об успехах на этом направлении, причем говорилось в первую очередь о желании жителей такого-то города или села закрыть церкви.

В смоленских газетах Церковь также обличалась как враг трудящихся. В «Рабочем пути» (N 240, 7 декабря 1929 года) пишется: «Под видом религиозных общин работают вредительские организации кулаков, нэпманов, «бывших людей», связанных с заграничным капиталом». Далее: «Безбожники должны помнить, что лучшим методом борьбы против Церкви является пропаганда пятилетки и непосредственное активное участие в ее осуществлении. Задача безбожников... – мобилизовать все силы для борьбы с поповско-сектантской контрреволюцией, отравляющей сознание трудящихся масс».

В 1929 году в Смоленске, как и по всей стране, развернулось массовое закрытие церквей. Согласно данным Шкаровского и Регельсона и Цыпина, в 1929 году количество закрытых храмов в СССР увеличилось примерно в 2 раза по сравнению с 1928 годом. (Шкаровский, Регельсон: 1928 г – 542, 1929 – 1000; Цыпин: 1928 г – 534, 1929 – 1119). Данный процесс проходил в Смоленске чрезвычайно активно по сравнению с тем, как он проходил по всей стране. 1929 год – пик закрытия храмов в Смоленске. 12 закрытых церквей – огромная величина, если учесть, что из существующих до революции 28 церквей и монастырей – 4 было закрыто с 1918 по 1928 год включительно, и в течение 30-х годов закрывалось примерно по одному храму в год. (ГАСО ф. 2361, св. 1, оп. 1, д. 67, л. 80-81 об.). Понятно, что эти предлоги невозможно назвать серьезными и вряд ли они имели бы даже самое малое значение, если изменилось бы отношение властей к вопросу закрытия храмов. (ГАСО Ф. 2360)

Итак, в Смоленске в 1929 году были закрыты следующие церкви: Нижне-Никольская (29.07), Спасо-Преображенская (23.10), Иоанно-Богословская (29.07), Александро-Невская (03.07), Верхне-Георгиевская (09.07), Благовещенская (19.11), Кресто-Воздвиженская (01.03.), Одигитриевская (02.03), Богородице-Рождественская (29.07), Ильинская (17.11), Воскресенская (20.10), Вознесенский монастырь (19.03). (ГАСО Ф.2361, св. 1, оп. 1, д. 67, л. 80-81 об.)

В данном году также было закрыто огромное количество храмов в уездных городах и деревнях. По данным фонда N 2360 ГАСО, содержащего сведения о молитвенных зданиях в районах области, списки рассмотренных дел Президиумом Зап. Облсовета о закрытии церквей (нач. 30 августа – 19 сентября 1931 года на 90 листах) в Западной области в течение

1929-1930 гг. было закрыта 481 церковь. (ГАСО ф. 2360). К сожалению, не удалось найти точных сведений о закрытии всех храмов. Особенно это касается уездных городов и деревень.

На примере городов Рославля и Дорогобужа хотелось бы представить картину закрытия храмов в уездных городах.

Так, до революции в самом городе действовало 8 церквей, среди которых одна домовая, принадлежавшая духовному училищу, в уезде – 71 церковь. (ЦДНИСО ф.3, оп. 1, д. 227, л. 45)

Из данных отчетов по антирелигиозной работе известно, что в конце 1920-х годов в уезде имелось 58 храмов, до 130 человек духовенства. Обновленцы составляли лишь 25% (ЦДНИСО ф. 3, оп. 1, д. 3647, л. 5)

В 1929 году в Рославле были закрыты Спасо-Преображенский монастырь и Благовещенский собор. Закрытие монастыря сопровождалось пропагандой в прессе, сбором подписей среди населения города. Верующие опротестовали закрытие обители, но решением ВЦИК от 16 августа 1929 года здания монастыря были переданы музею.

О. Рафаилу, автору книги о Рославльских храмах, пожилые прихожане рассказывали, что в то время, когда в стенах монастырского храма располагался музей, его директор неоднократно замечал, как лампы перед иконами зажигались сами собой. Он, утраченный этим явлением, сошел с ума и застрелился в алтаре монастырского собора. С этого времени посещаемость музея сократилась. Во время войны пропала и сама коллекция музейных экспонатов. В течение 1930-х гг. в Рославле постепенно, один за другим, были закрыты все храмы. В первую очередь это коснулось Благовещенского собора, Успенской и Никольской церкви. О закрытии большинства храмов четкие сведения отсутствуют. Так, здание Успенской церкви в первой половине 1930-х годов было передано решением Облисполкома на нужды хлебозавода, Казанская церковь также в первой половине 1930-х годов решением Облисполкома была передана под склад, церковь Рождества Богородицы в 1937 году закрыта решением Облисполкома., Никольская церковь в документах за 1937 год указана как закрытая. Иеромонах Рафаил пишет, что она была закрыта одной из первых. Это еще раз говорит об отсутствии четких сведений. О закрытии Воскресенской и домовой церкви Меркурия Смоленского вообще ничего не известно.

В настоящее время в здании Казанской церкви расположен выставочный зал Рославльского историко-художественного музея, в Никольской церкви – спортивный зал, здание Воскресенской церкви рухнуло в начале 90-х годов, Благовещенский собор разобран в 40-е годы.

В Дорогобуже до революции существовало 11 церквей, еврейская синагога и Болдинская часовня. О том, какой ориентации были церкви неизвестно. В 1936 году в городе действовала только одна Никольская церковь (документах подчеркнуто как недопустимое явление), остальные церкви не действовали: церквей было переоборудовано под склады, 2 разобраны, 1 переоборудована под электростанцию, в здании бывшей синагоги устроили школу, в часовне – дом обороны. По району до революции действовало 15 церквей, в 1936 году действовало только 2, почти все закрытые храмы использовались под склады. (ГАСО ф. 2360, оп.1, д. 302, л. 54)

Попытки систематизировать предлоги, которые власти использовали для закрытия храмов в Смоленске и других уездных городах не приносили никаких результатов – они повторялись в отношении всех церквей. Прежде всего, это нехватка жилых помещений, использование храма не по прямому назначению (под склад церковной утвари или жилье священника), наличие в городе других храмов, которые могут удовлетворить религиозные запросы верующих, а также отсутствие заявлений со стороны верующей общины, в которых было бы обжалование закрытия храма. Понятно, что эти предлоги нельзя назвать серьезными, если бы изменилось отношение властей к вопросу о закрытии храмов. (ГАСО Ф. 2360)

Рассматривая имеющиеся в наличии архивные материалы, можно отметить, что в

данный период церкви по деревням отбирались просто так, без всякого суда и следствия, и даже если не было никаких санкций о закрытии церкви деятели местной ячейки СБ уничтожали кресты, били купола. (ГАСО ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 866) Среди архивных материалов встречаются ходатайства различных организаций и учреждений о передаче им рядом находящихся храмов в связи с недостатком помещений. В основном это касается Смоленска.

Также в официальных документах имеются сведения о том, что многие храмы были закрыты по единогласному решению верующих. Однако, рассматривая в совокупности все найденные источники о закрытии церквей, можно прийти к противоположным выводам. Данные официальных документов легко опровергаются.

Например, за закрытие Одигитриевской церкви г. Смоленска и ее передачу под клуб пионеров было собрано 30 тысяч подписей. Но, во-первых, это были подписи детей, мысли и действия которых во многом были зависимы от взрослых «воспитателей»; во-вторых, церковь так и не была передана под Дом пионеров. В 1936 году ее снесли, причем на ее снос власти выделили 40 тыс. руб. (ГАСО ф. 2360, оп. 1, д. 347, л.40)

В одной из жалоб пишется о том, что на общем собрании граждан села Кистер Воронковского района никто из селян не высказался за закрытие церкви. Но, несмотря на это, был подписан протокол, в котором указывалось, что постановление о закрытии церкви принято селянами единогласно. Протокол подписали несколько лиц, проводивших собрание. Ключи от храма были отобраны. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 283, л. 367)

В другой жалобе поднимается вопрос о сборе подписей за закрытие храма среди жителей одного из уездных городов. Сбор проводился среди детей – пионеров и комсомольцев. Верующим Горсовет не позволил собрать подписи об оставлении им храма. Верующие ощущают вопиющее несоответствие постановлений центральной власти и происходящего на местах. «Где же здесь распоряжения центральной власти, все время предупреждающей местных властей о ненасилии в религиозных вопросах. Центр говорит одно, а местные власти прямо таки ни с чем ни считаясь, делают совсем другое. (ГАСО 2360, св. 1, оп. 1, д. 283, л. 169)

В 1929 году на Смоленщине началось резкое закрытие тех монастырей, которые в годы советской власти существовали под видом музеев и колхозов. В этом году ликвидировали самый большой и известный на Смоленщине монастырь – Герасимо-Болдинский.

С 1924 года на территории монастыря находился музей, бывший под ведением Главнауки. Музей сдавал монахам в аренду 2 флигеля под жилье и собор для совершения богослужений. (ГАСО Ф. 161, св. 7, оп. 1, д. 41, л.54) Необходимо отметить, что в середине 1920-х годов обновленцы пытались добиться закрытия монастыря. В 1926 году СЕУ ходатайствовало об этом перед Облисполкомом. Монахам ставилась в вину «злостная агитация среди верующих против Синодальной церкви» и «обращение находящейся в монастыре местной иконы Казанской Божией Матери в средство эксплуатации. (ГАСО Ф. 161, св. 7, оп. 1, д. 41) Ходатайство отразилось в двух рядом находящихся в архиве, но совершенно разных по смыслу документах. В первом, официальном, ходатайство СЕУ отклоняется ввиду якобы невмешательства государства в дела церкви. (ГАСО Ф. 161, св. 7, оп. 5, д. 41, л. 30)

Во втором, секретном, Смолгубадмотдел констатируя фактическое существование монастыря, предлагает Губисполкому ликвидировать фактически существующий монастырь, когда окончится срок договора с Дорогобужским УЗУ, т.е. в апреле следующего года путем расторжения договора с общиной как нелояльной государству.

Еще до начала кампании по закрытию церквей в 1929 году власти предполагали, что это дело вызовет недовольство у большинства населения. Ярославский годом позже писал о невозможности ведения борьбы против Церкви так, «чтобы нигде не было никакой драки. Это утопическая задача. Обязательно кое-где будет драка...» Он признавал, что позиции церковников очень сильны и их поддерживают миллионы и миллионы рабочих, середняков и

бедняков не говоря о кулаках; что число безбожников по сравнению с ними ничтожно». И действительно, волна закрытия церквей вызвала немалое возмущение со стороны жителей Смоленщины, о чем свидетельствует отчет по антирелигиозной работе в Западной области, выдержки из которого показывают, как оценивали свою работу и обосновывали причины неудач сами антирелигиозники. В данном отчете изъятие храмов у верующих стоит на первом месте среди «ненормальностей» в антирелигиозной работе. Далее говорится, что дело закрытия храмов приняло характер соревнования и дает подчас обратные результаты.... Рост религиозности, недовольство советской властью, инциденты, доходящие до кулачных боев ...» и т.п. (ЦДНИСО ф-р. 5, оп. 1, д. 811, л. 13) Наряду с этим по ряду сельских местностей имели место случаи, когда массовая антирелигиозная работа подменялась голым администрированием, низовые общественные организации вместо того, чтобы вести глубокую агитационно-пропагандистскую антирелигиозную работу, подхватив отдельные удовлетворительно проведенные случаи закрытия церквей и изъятия колоколов, не учитывая настроения населения, стали практически разрешать все эти вопросы, чем вызвали значительное недовольство и массовые выступления со стороны верующих, преимущественно женщин. (ЦДНИСО Ф-Р. 5, оп. 1, д. 811, л. 6) Выступление населения в протест закрытия церквей» потребовало от районных и окружных организаций значительных мер к восстановлению нормального положения» (ЦДНИСО Ф-Р 5, 1, д. 811, л. 6). Одно из самых сильных организованных выступлений было в Гжатске, ныне Гагарине. (ЦДНИСО Ф.2936, оп. 3, д. 52, л. 306-308). Больше 20-ти человек, среди которых священники и монахи, были обвинены по статье 58 УК за участие в контрреволюционной деятельности. Как свидетельствует следственное дело, обвиняемые, привлекая по несколько сотен человек, требовали в сельсоветах прекращения закрытия храмов, проведения ремонта храмов за деньги государства. Необходимо сказать, что были единичные случаи, когда требованиям верующих уступали. Так в селе Пречистое Гжатского района в 1930 году была открыта церковь, закрытая в 1929 году. (ГАСО Ф. 2360)

Таким образом, в 1929 году власти осуществили крупный натиск на религию. Война с Церковью перешла в новую фазу. Экономические пропагандистские и обновленческие методы отошли на второй план. Главный упор был сделан на борьбу с Церковью, как с классовым врагом трудящихся, ярким противником Советской власти, «тормозящим» культурную жизнь страны.

Под эгидой передачи под культурные нужды, в Смоленске было закрыто 12 (!) храмов – это половина храмов, действовавших в 1928 году. (ГАСО, ф.2360, оп.1, д.67, л.80-81 об.) Также в этом году началось усиленное закрытие храмов в уездных городах и деревнях. В результате, значительное количество храмов было превращено не в культурные учреждения, а в склады и в прочие хозяйственные помещения, значительное количество населения выразило протест против происходящего, что отчасти побудило власти изменить тактику борьбы с церковью.

В самом начале 1930-х годов в деле закрытия церквей происходят изменения. Как пишут Цыпин, Шкаровский, Поспеловский, причиной этому стала кампания по дискредитации советского правительства, развернувшаяся после выхода послания папы Пия 10 от 2 февраля 1930 года, в котором советское правительство обвинялось в религиозных гонениях. (31, с 90, 27, с 93, 19, с. 160). Шкаровский также пишет, что временное ослабление гонений на Церковь произошло из-за того, что «к весне 1930 года ситуация в религиозном вопросе стала критической. Гонения властей вызывали массовые выступления в деревнях». В Псковской области вообще происходили вооруженные столкновения с верующими.

Митрополит Сергей после известного интервью перед иностранными журналистами, обратился к советскому правительству с протестом против необоснованного закрытия церквей, арестов и ссылок священнослужителей.

16 съезд ВКП (б) проголосовал за прекращение протеста против закрытия церквей в административном порядке «для отвода глаз прикрытом якобы добровольном желании населения» и разрешил закрытие церквей только в соответствии с желанием большинства

крестьян и только по утверждению местными исполкомами постановлений сельских сходов.

20 июня 1930 года вышел секретный циркуляр ВЦИК, в котором на первом месте среди главных нарушений закона о культах стояло: «произведение изъятия у верующих культовых зданий и одностороннее расторжение с ними договоров». Циркуляр требовал восстановления справедливости в трехмесячный срок.

В Западной области были изданы подобные постановления. Бывший партархив сохранил постановление бюро одного из ОК, в котором говорилось о «немедленном и организованном прекращении работы по закрытию церквей и изъятию колоколов ... направив все силы на разрешение задачи по весеннему севу, коллективизации, ликвидации кулачества». (ЦДНИСО ф-р. 3, оп. 1, д. 811, л. 6)

В 1931 году в Президиум Облисполкома пришло постановление ВЦИК, в котором указывалось, что право закрывать церкви представлено законом лишь ВЦИКом и АССР, краевым, областным исполнительным комитетам, а при обжаловании право остается за ВЦИКом. Разъяснение секретариату Облисполкома – «постановление районного исполнительного комитета или Горсовета о ликвидации религиозного общества или группы верующих предоставляется на утверждение Облисполкома и до решения последнего, или до решения ВЦИК, если постановление Облисполкома будет обосновано не приводится в исполнение. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 525, л. 44)

Однако после выхода данных официальных постановлений закрытие церквей продолжалось, произвол не прекратился.

Цыпин отмечает, что в 1930 году «упразднение православных общин продолжалось с нарастающим темпом. В Москве из 500 храмов, действующих на 1 января 1930 года, в конце года осталось 224, а через 2 года – только 87 церквей, находящихся в юрисдикции Патриархии. В Рязанской епархии в 1930 году было закрыто 192 прихода, в Орле в 1930 году не осталось ни одной православной церкви».

С 1931 года, как пишет Шкаровский, нарастает новая волна ликвидации церквей «большевистскими темпами». Органы власти в ряде регионов страны впервые ставят задачу полного искоренения действующих храмов. Шкаровский показывает это на примере Ленинграда. 9 августа Ленинградский областной совет народного хозяйства издал документ, подписанный заведующим административным сектором адм. надзора, в котором писалось: «Сектор адмнадзора при секретариате ОБЛИКа и Ленсовета сообщает, что, руководствуясь наказами рабочих города Ленина, мы стремимся закрыть все церкви по городу». Так в 1931 году из 43 храмов, о закрытии которых был поставлен вопрос, было закрыто 36; в 1932 году из 134 храмов было закрыто 133.

О том, что в Смоленске также проводилась в жизнь цель всеобщего закрытия храмов косвенно свидетельствует документ N 67 (ГАСО ф. 2361, св. 1, оп. 1), в котором вручную поставлен огромный знак «?» над единственным незакрытым храмом.

В Смоленске в 1930-е годы тактика и темп в деле закрытия церквей изменились, но в несколько ином направлении. Закрытие церквей стало проводиться постепенно и поэтапно, но неуклонно и бескомпромиссно. С 1930 по 1940 гг. в Смоленске были закрыты все действующие до революции церкви, кроме одной – Тихоновской кладбищенской, находившейся на окраине города. Каждый год закрывалось приблизительно по одной церкви:

1930 год – Верхне-Никольская, Свирская;

1933 год – Успенский кафедральный собор, Покровская;

1934 год – Казанская, Троицкая;

1935 год – Петра и Павла;

1937 год – Георгиевская;

1938 год – Спасская Окопная, Всехсвятская;

1940 год – Гурьевская.

(ГАСО Ф. 2361, св. 1, оп. 1, д. 67, л. 80-81 об.)

В деревнях, как пишет Мерл Фэйнсод, в деле закрытия церквей продолжался произвол, хотя в протоколах Запоблисполкома после 16 съезда ВКП (б) в ходе рассмотрения

некоторых вопросов отменялись решения местных административных органов о закрытии церквей и помещения возвращались верующим. «Однако это не огульная политика пересмотра ранее принятых решений. В большинстве случаев решения о закрытии церквей поддерживались».

К сожалению, не удалось найти документов, свидетельствующих о закрытии всех храмов в данный период. Но все же найденные материалы позволяют проследить некоторые процессы, происходившие в то время, способствующие закрытию церквей.

В начале 1930-х гг. после выхода постановлений, запрещающих закрытие церквей в административном порядке, «на селе разворачивается коллективизация и ликвидация кулачества. Данные процессы лишь с первого взгляда не имеют отношения к делу закрытия храмов. Закрытие храмов становилось естественным следствием коллективизации и ликвидации кулачества.

Так, на селе коллективизация в большинстве случаев имела началом закрытие церкви. Шкаровский пишет, что через 4 дня после выхода постановления о борьбе с искривлениями в колхозном движении в «Правде» появилась статья, в которой указывался ошибочный метод начала коллективизации – закрытие храма. И власти быстро отреагировали на эту критику.

Также в 1930 г. митрополит Сергей в письме уполномоченному по вопросу культов Смидовичу говорил о недопустимости начала создания колхозов «со снятия колоколов» и «закрытия храмов». Однако власти стремились показать, будто церкви закрываются естественным путем. Данное письмо было рассмотрено и признано, что священники в деле закрытия храмов действовали вместе с ударными бригадами.

Другим явлением, иллюстрирующим проведение расправы с Церковью в рамках классовой борьбы, была ликвидация кулачества. Именно кулачество в начале 1930-х годов можно назвать социальным корнем религии, который призывал уничтожить Ленин.

В отчетах партийной работы, проводимой в области за 1928-1929 гг. отмечается, что параллельно с отходом от Церкви рабочих кулацко-нэпманский элемент начинает принимать более активное участие в жизни Церкви. Далее говорится, что церковные советы составляют в основном зажиточные крестьяне. (ЦДНИСО ф-р. 5, оп. 1, д. 811, л. 9)

В отчете о состоянии антирелигиозной пропаганды за 1928 год одного из районов говорится, что антирелигиозное население составляют – бедняки и середняки (60-70%), а к верующим принадлежит зажиточная и кулацкая часть населения и незначительное количество бедноты, зависимой от последней. Усиливающаяся рознь «безбожников» и «церковников» находит свое выражение в проводимых общеполитических кампаниях. (ЦДНИСО ф-р. 3, оп. 1, д. 3647, л. 89)

Кроме того, итог отчета по антирелигиозной пропаганде на Смоленщине гласит, что закрытие церквей должно «оформляться и осуществляться решением широких масс населения». (ЦДНИСО ф-р. 3, оп. 1, д. 3647, л. 8)

Очевидно, что данная работа не могла осуществиться при наличии значительного количества кулаков на селе. Поэтому требовалась расправа с зажиточными крестьянами как врагами советской власти.

Также как свидетельствуют документы, материальная поддержка Церкви на селе осуществлялась за счет зажиточных крестьян. В упоминаемом отчете среди ненормальностей в антирелигиозной работе приводится следующий, факт: крестьяне предлагали священнику уплатить налоги, в отчаянии желавшему снять сан из-за их непосильного бремени (ЦДНИСО ф-р. 5, оп. 1, д. 811, л. 13)

Данный вопрос затрагивал в своей книге Пospelовский. Он писал: «только зажиточный крестьянин мог выручить священника, задавленного непосильными налогами... Раскулачивание всех вело к гибели Церкви на селе. Это бесспорно».

В 30-е годы продолжалось экономическое давление на Церковь. По сравнению с серединой 20-х годов ужесточилось положение относительно выплаты страховых сумм. Одним из следствий этого должно было стать закрытие храмов.

В 1931 году вскоре после выхода постановлений высшей власти о прекращении

закрытия церквей административными мерами вышло постановление Наркомфинам союзных республик о порядке обложения молитвенных зданий и служителей культа. В нем отмечалось, что в случае неуплаты причитающихся сумм в течение 2-х месяцев после назначенного срока местные финансовые органы возбуждают ходатайство перед исполкомом о расторжении договора и отобрании имущества, причем допускается опечатание молитвенных зданий и наложение штрафов и арестов на имущество отдельных граждан, входящих в состав религиозного общества до вынесения Исполкомом постановления о расторжении договора. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 1525, л. 5) Данный документ противоречит постановлению ВЦИК относительно данного вопроса.

В постановлении ВЦИК говорится о том, что закрытие храма не допускается до решения Облисполкома или ВЦИК, а вышеприведенном постановлении указывается о возможности опечатания храма до вынесения Исполкомом постановления о расторжении договора общиной.

Несмотря на постановление Областного финансового управления о «строгом соблюдении порядка взыскания налогов без каких бы то ни было отступлений и перегибов» (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 1525, л. 4) в 1930-е годы продолжался произвол в налогообложении Церкви, и в частности духовенства. Рассматривая страницы книги Поспеловского, свидетельствующие о данном явлении, можно прийти к выводу, что секретные постановления властей делали законным произвол в налогообложении.

Многие городские церкви облагались дополнительными официально не санкционированными налогами. Например, от общины Покровской Церкви города Ржева требовали уплатить 2255 р. на ремонт мостовых и тротуаров. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 2200, л. 7)

В отчете по антирелигиозной работе в Западной области за 1930 год было названо «ненормальностью» чрезмерное налогообложение духовенства. (ЦДНИСО ф-р. 3, оп 1, д. 3737, л 336) Центральные и областные органы власти в этом вопросе также противоречили друг другу, что являлось еще одним поводом к существованию произвола, который, как мы видим, создавался искусственно.

Так, Облснаб в противоречие ВЦИК дает указание облагать священнослужителей налогами в двойном размере, только из-за их социальной принадлежности, а затем отменяет свое решение. С января по июнь 1930 г вообще не было никаких указаний Облснаба об обложении духовенства налогами.

В официальных документах за 1933 год говорится о том, чтобы хозяйства священников, непохожие на кулацкие, облагались налогом как единоличные в двойном размере. (ГАСО ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 2920, л. 53)

Плюс ко всему священники подлежали обложению другими неумеренными налогами и сборами. В их числе сборы продуктов питания с тех, кто не имел хозяйства, также сборы на трактора, покупку облигаций. В одном из районов от священника требовали приобрести облигации займа на 20 рублей, внести 60 р. на жилищное строительство, за 2 месяца отремонтировать храм. (ГАСО Ф. 2369, св. 1, оп. 1, д. 244, л 22)

Усиленному налогообложению подлежали не только священники, но и члены церковных советов. Они облагались налогами как кулаки независимо от имущественного положения. А ведь в большинстве случаев членами церковных советов являлись одинокие старухи. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп 1, д. 2960, л. 53)

Необходимо сказать, что малейшее неповиновение церковной общины или священника властям в деле налогообложения приводило к закрытию храма. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп .1, д. 244) После привлечения к суду за неуплату некоторых священников, их имущество описывали, изымали под различными предлогами, из дома выгоняли жену и детей (ГАСО Ф. 2300, св. 1, оп. 1, д. 2246,0 л. 512)

Среди документов за начало 1930-х гг. – огромное количество жалоб священников и верующих на неумеренное налогообложение. Однако жалобы этих людей во внимание не принимались. В одном из документов говорится о том, что областная комиссия по делам

культов несколько раз обращалась в Обл-ФУ для того чтобы получить сведения о результатах проверки налогообложения и не получала ответа (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп 1, д. 244, л 85)

В 1930-е годы в противовес официальным документам не прекращалось не только закрытие храмов, но и угрозы, издевательства, хулиганства, сопровождавшие это дело.

Из жалоб верующих в областные органы власти довелось узнать следующее: члены сельсоветов угрожали закрыть церкви под клубы, причем все это сопровождалось оскорблениями. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп 1, д. 2916, л 129) Сельсоветы самовольно отбирали ключи у членов церковных советов и не давали верующим возможности провести ремонт церкви, несмотря на то, что материалы для ремонта были заготовлены. (Там же) По разрешению Горсовета одна из сельских церквей была осыпана семенами с условием ее освобождения за две недели до Пасхи. Горсовет не выполнил свои обязательства, но и официально не ставил вопроса о закрытии храма. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп 1, д. 2916, л 130)

В других документах говорится о хулиганстве со стороны комсомольцев. Они выбивали стекла храмов, воровали церковное имущество. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 2247) Так в 1932 году молодежь села Страшевичи с ведома членов сельсовета на пасхальной неделе на глазах у верующих ломала кресты, разбивала памятники на кладбище. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 2249, л 107)

Необходимо сказать, что ВЦИК получал жалобы с мест и даже «принимал меры», предлагая в письме Смоленской областной комиссии по делам культов провести расследование. Вот подлинный механизм действий советской власти – «принятие мер», заранее ведая, что это не принесет результатов.

А теперь хотелось бы рассмотреть, как проходило закрытие церквей в Смоленске в 1930-е годы и какое влияние оказывали вышерассмотренные явления на данное дело.

Итак, в 1930 году в Смоленске были закрыты две церкви – Свирская и Верхне-Никольская. Согласно архивных документов, поводом для закрытия Свирской церкви стало решение церковного совета расторгнуть договор из-за непосильных налогов. Хотелось бы упомянуть, что Свирская церковь принадлежала обновленцам. Сведений о закрытии Верхне-Никольской церкви найти не удалось. (ГАСО ф. 2361, св. 1, оп. 1, д. 67, л. 80)

В 1933 году были закрыты Покровская церковь и Успенский кафедральный собор. Относительно Покровской церкви известно лишь то, что в ее здании был размещен архив. (ГАСО Ф. 2361, св. 1, оп. 1, д. 67, л. 80)

Особый интерес для нас представляет закрытие кафедрального собора. Работа в этом направлении была четко и серьезно спланирована. Среди архивных материалов удалось найти ходатайства Губмузея и Облоно перед Облисполкомом о предоставлении для нужд Губмузея здания кафедрального собора. Первоначально советовали там разместить естественноисторический отдел Губмузея.

Но для закрытия собора власти ждали удобного времени. В выписке протокола N 40 заседания Смолгорсовета говорится: «Ввиду того, что кафедральный собор находится в пользовании верующих, удовлетворить просьбу Губмузея в настоящее время не представляется возможным». (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 865, л .476)

Уже в 1930-1931 гг. были составлены сметы на приспособление здания собора под музей. Итого сумма сметы составляла 4900 р. (ГАСО ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 865, л. 470).

Также делу закрытия кафедрального собора способствовало негативное влияние обновленцев. В акте комиссии по религиозным культам за 1933 год сказано о крайне неудовлетворительном хозяйственном состоянии собора, который не отапливался несколько лет из-за неисправности парового отопления. Между тем меры никакие не принимались за отсутствием соответствующих средств и «заботливого хозяина». Председатель епархиального управления Соколовский официально заявлял, что задолженность в Горфо не может быть погашена из-за отсутствия средств. Далее говорилось: в настоящее время не имеется определенной верующей общины за исключением 15-20 человек по воскресным дням. По его мнению, «Собор даже как молитвенная единица не представляет большого назначения за отсутствием религиозного общества». (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп.1, д. 1574, л. 78)

Анализируя имеющиеся в наличии сведения, можно сказать, что деятельность обновленцев привела общину кафедрального собора к разложению. Подобная ситуация наблюдалась и в некоторых уездных городах, где вскоре после прихода в собор обновленцев общины разлагались, само молитвенное здание оказывалось буквально пустым. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 868, л. 169)

23 июня 1933 года смоленский кафедральный собор был закрыт. Предлогом для закрытия собора явилась огромная задолженность по госплатежам (зем. рента, налог на строение) – она составляла 119602 р. 72 к. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 1574, л. 75), а также невозможность общины обеспечить ремонт здания собора, о чем свидетельствовала комиссия по делам культов. (ГАСО ф. 2360, оп. 1) Суммы по госплатежам не выплачивались с 1928 года. Т.о. 5 лет систематической неуплаты надлежащих сумм общиной собора – «оправданная причина» для его закрытия перед законом и обществом.

Л. Регельсон писал, что целью большевиков было не просто провести закрытие церквей, но сделать из них средство для перевоспитания масс в духе социализма.

В Смоленске это наиболее ярко проявилось в отношении кафедрального собора, в здание которого был перенесен антирелигиозный музей. После передачи собора в ведение Смолгубмузея все его внутреннее убранство, согласно постановлению Наркомпроса, необходимо было сохранить, оно должно было служить другим целям.

Губмузей даже не передал в оружейную Палату Плащаницу, которая являлась вкладом князей Старицких в Успенский собор Московского Кремля (прибл. 1560) и попала в 1812 году в Смоленск после того, как партизаны отбили ее у французов, пытавшихся вывезти этот памятник среди многочисленных награбленных кремлевских сокровищ. Впоследствии по особому распоряжению Синода было разрешено оставить Плащаницу Старицких в Смоленском Соборе. Администрация музея объясняла свой поступок тем, что Плащаница за все время нахождения в соборе «играла крупную эксплуататорскую и контрреволюционную роль». В деле разоблачения перед трудящимися массами эксплуататорской роли религии она имела огромное значение, как говорили работники музея (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 2918, л. 3-3 об.)

В статье И. Чикина, опубликованной в журнале Облоно «На культурном посту» N 2 1935 год под названием «Маятник Фуко в Смоленском музее-соборе» ярко свидетельствуется об этом. Чикин пишет: «Музейные работники решили превратить этот памятник угнетения и эксплуатации трудящихся в один из очагов антирелигиозной пропаганды». Они для этой цели, согласно имеющимся сведениям, написали «историю контрреволюционной роли Собора и епархии, начиная с самого его основания до последних дней. «Они использовали все так называемые «святыни собора» и другие предметы культа, не исключая и церковной утвари для целей антирелигиозной пропаганды. Собор получил новое содержание и оформление.

Для того чтобы придать музею-собору особую «оригинальность», «еще большее культовое и общеобразовательное значение», как пишет в своей статье Чикин, была воплощена в жизнь «интересная» идея. Музейные работники решили устроить в здании собора опыт Фуко с качающимся маятником. В соборе был установлен маятник из стальной проволоки длиной 67 метров с гирей из медного шара по опыту Ленинградского антирелигиозного музея, размещенного в Исаакиевском соборе. А первая установка маятника в мире осуществилась в 1851 году в церкви святой Женевиэвы в Париже, превращенной Французской революцией в Пантеон. Т.о, можно выявить, что областной центр копировал в антирелигиозной работе опыт северной столицы, а та, в свою очередь, опыт, вдохновленный идеями Французской революции.

В 1934 году в Смоленске было закрыто 2 церкви – Троицкая и Казанская. (ГАСО Ф. 23261, св. 1, оп. 1, д. 67, л. 80-81 об). Что касается закрытия Казанской церкви, то в «Епархиальных ведомостях» (1995 год, №6, стр. 38-42) довелось встретить статью, в которой было рассказано о судьбе священника о. Антония Эльснера, служившего в этом храме перед его закрытием. В статье говорится, что рабочим перед закрытием храма было дано

распоряжение «вперед выкинуть попа». Выполнив данное распоряжение, рабочие в течение часа превратили церковь в сарай. Отец Антоний вынужден был уехать со своей семьей. (там же, стр. 38)

Закрытие Троицкой церкви показывает нам, какие усилия предпринимали власти, чтобы добиться своих целей. Еще в 1928 году Президиумом Смолгубисполкома был расторгнут договор с общиной Троицкой церкви из-за использования храма не по прямому назначению. Храм сдали обновленцам. (ГАСО ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 290, л. 481) В 1929 году согласно архивным материалам, администрация Смол. Губ. университета ходатайствовала о закрытии этой церкви и передачи ее университету для научно-исследовательской деятельности, учитывая постановление собрания научных работников, подписи студентов. (ГАСО ф. 2361, св. 1, оп. 1, д. 347, л. 58) В документах за 1931 год встречается выписка из протокола малого заседания Горсовета – просьба Облисполкома расторгнуть договор с общинами Кафедрального собора и Троицкой церкви из-за «систематического неплатежа налогов со строений, зем. ренты, страховых платежей» и накоплений задолженностей за религиозными общинами. (ГАСО ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 347, л. 53)

Интересно, что в последующих документах о закрытии Троицкой церкви это особенно не фигурирует, хотя данное обстоятельство могло бы стать серьезным поводом для закрытия церкви.

В 1933 году очередные попытки закрыть храм. 20 октября 1933 года составлено заявление обновленческой общины Троицкой церкви во ВЦИК, в котором община выражала протест против закрытия церкви. В нем указывалось, что 16 октября на дверях церкви появилось объявление Смолгорсовета согласно которому по постановлению Облисполкома договор с общиной Троицкой церкви по причине неисполнения верующими договорных обязательств считается расторгнутым. В заявлении было обжаловано решение Облисполкома, отмечалось, что отсутствовало предупреждение о закрытии храма, что постановление о закрытии храма не было отдано под расписку. (ГАСО ф. 2360, св. 1, оп. 21, д. 347, л. 44)

31 октября 1933 года вышло постановление президиума Смол Горсовета, в котором имелась просьба в Запоблисполком о закрытии Троицкой церкви на основании того, что решение Облисполкома о ее закрытии верующими не обжаловано. (ГАСО ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 347, л. 49) Подлинная работа по закрытию церквей налицо.

В 1935 году была закрыта церковь Петра и Павла. Она уникальна тем, что являлась самым старым зданием Смоленска – памятником архитектуры 12 века, а также была местом пребывания епископа Смоленского Серафима (Остроумова). В документах о ее закрытии прямо написано об отсутствии оснований к обвинению общины верующих в нарушении договора. К тому же отмечалось, что храм с его древними фресками, согласно слов сотрудников Ленинградской Академии наук, имел значение европейского масштаба. Но вмешательство Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК СССР, которая сделала по данному храму запрос в Смоленск, сыграло решающую роль. В итоге храм закрыли по ходатайству Горсовета. Предлог – «огромная нужда в помещении для архива». Храм передали городу для использования якобы под культурные нужды. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 347, л. 25) Однако в документах за 1937 год, говорится, что храм Петра и Павла был преобразован под больницу. (ГАСО Ф. 2361, св. 1, оп. 1, д. 67, л. 80-81 об) Факты говорят сами за себя.

На сей день известно, что 2 священника, служившие в этом храме перед закрытием, не говоря о епископе Серафиме, были расстреляны. Настоятель, о. Иоанн (Соколов), – в 1937 году в Казахстане; о. Николай (Конокотин) был арестован в Смоленске в 1938 году и, как свидетельствуют документы, приговорен к высшей мере наказания. К сожалению, материалы ГАСО только констатируют факт расстрела. Остальные сведения хранятся в недоступном пока архиве ФСБ.

О. Владислав Цыпин писал, что хотя в середине 1930-х годов продолжалось закрытие храмов, но «размах кампании не удовлетворял идеологов антирелигиозного фронта».

На 1 апреля 1936 года по СССР функционировало 23,5% всех молитвенных зданий, бывших до революции, в частности по РСФСР – 36,5%, по БССР – 9,9%... По отдельным республикам и краям наблюдалась чрезвычайно пестрая картина. В некоторых почти совершенно не осталось молитвенных зданий. Так, в Якутской АССР функционирует всего 1 из 72 церквей, бывших до революции... Больше всего работающих молитвенных зданий осталось в Ивановской области (903 из 1473, 61,3%). «Вслед за Ивановской идут Горьковский край, имеющий 1252 здания из 2213 (56,6 %), Татарская АССР с 1343 зданиями из 2439 (55%), Московская область с 1993 из 3731 (53,4 %), Кировский край с 266 зданиями из 552 (48,1%), Чувашская АССР со 160 из 328 (47,3%), Калининская область с 959 зданиями из 2070 (46,6 %), Западная с 771 из 2046 (42 %)». Западная область стояла на восьмом месте среди областей, в которых сохранилось наибольшее количество действующих храмов.

Таким образом, несмотря на все усилия большевиков, влияние Православной Церкви в середине 1930-х годов было сильно на территории Смоленской епархии – Западной области. Мерл Фэйнсод в своей книге приводит выдержки из секретной записки от 22 декабря 1936 года, разосланной первым секретарем Обкома ВКП (б) всем секретарям райкомов в качестве прелюдии к новой волне атеистической кампании. В ней указывалось, что в области служат еще 836 священников. «В некоторых районах число действующих церквей особенно велико; так в Почепском районе насчитывается 35 церквей, в Велижском – 15... Посещаемость церквей, особенно в деревнях, еще очень большая, в особенности в религиозные праздники... Во многих районах заметно усилилась деятельность религиозных организаций.... Это характеризуется увеличением посещаемости церквей, в т.ч. за счет молодежи, крещением детей, даже дошкольного возраста, организацией пышных молебствий.... В Усвятах 12 июня местный поп организовал престольный праздник, на который съехалось огромное количество людей из деревни. В тот же день было произведено крещение 50 детей.... В самом Велиже работает еще 4 церкви (Велиж на 199 насчитывает)... Очень часты случаи крещения детей и венчания в храме. В одной из церквей хор состоит преимущественно из молодежи». В областном центре в 1936 году действовало 4 храма. (ГАСО Ф. 2361, св. 1, оп 1, д. 67, л 80-81 об.)

Естественно, что такое положение никак не удовлетворяло советскую власть. В 1936 году на Смоленщине, как и по всей стране готовилась новая волна гонений. Ведь, как отмечает о. Владислав Цыпин, главным средством атеистической пропаганды в 1930-е годы оставались аресты, ссылки и расстрелы верующих, закрытие и разрушение храмов.

Видимо для того, чтобы осуществить закрытие оставшихся храмов и ослабить влияние Церкви потребовалась физическая расправа с духовенством и верующими.

Хотя еще в 1929-1930 гг. волна закрытия церквей сопровождалась волной репрессий. В это время местные сотрудники полномочного представительства ОГПУ сфабриковали «контрреволюционную монархическую организацию», которая, как они писали, существовала в форме широкой сети нелегальных монастырских ячеек. Она была организована и возглавляема наместником бывшего Троицкого монастыря, владыкой Варлаамом, бывшим помещиком-дворянином Домуховским Николаем, бывшим игуменом Елевферием Печениковым, иеромонахом Филимоном, осужденными в 1930 году. Привлечено в качестве обвиняемых по делу 134 человека, из них большинство монашествующих – 103 человека, 9 священников, среди остальных преобладали бывшие помещики, жандармы, кулаки и торговцы. К высшей мере приговоренных не было.

С каждым годом машина репрессий набирала все больше и больше оборотов. Можно сказать, что закрытие церквей в 1930-е годы шло рука об руку с репрессиями. Как показывают материалы ГАСО, с конца 1932 года в Западной области начинаются аресты священников, псаломщиков, членов церковных советов за индивидуальные и церковные долги. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп 1, д. 2245) Своего апогея репрессии достигли, как известно в 1937 году. Только недавно стало известно, что в этом году шло целенаправленное истребление духовенства по особой директиве Сталина. Эта акция представлялась вождем как некое жертвоприношение.

В 1937 году в Смоленске несколько крупных дел. Так в чекистских кабинетах была сфабрикована контрреволюционная организация церковников по г. Смоленску, которая в продолжение ряда лет вела активную контрреволюционную деятельность. Были арестованы и повторно осуждены те, кто отбывали свой срок наказания по делу 1929-1930 гг. и возвратились в Западную область. На этот раз среди осужденных 31 человек: 14 – приговорены к высшей мере наказания, 17 – к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Среди расстрелянных 8 декабря 1937 года – епископ Смоленский и Орловский Серафим (Остроумов). Среди 14 человек, приговоренных к высшей мере наказания, 9 пожилых женщин. Завершить дело закрытия церквей не используя метод репрессий большевики не могли, советское законодательство было бессильно перед протестом граждан – официально завершить дело закрытия церквей большевики не могли при нежелании народа.

Еще в 1929 году в журнале «На культурном посту» писалось, что многие антирелигиозные работники не видят вредности в своем наступательном порыве. «Они забывают, что одних постановлений сельсоветов, РИКов, или других организаций недостаточно, чтобы закрыть Церковь. Они не замечают маленького – верующих масс, вообще масс. Озлоблять трудящиеся массы административными мерами – значит порубить тот сук, на котором сидим».

Бывали случаи, когда верующие официально добивались у центральной власти открыть церковь. Казалось бы, советская власть делает отступление. Однако в этой ситуации она вооружалась методами угроз и репрессий верующих и духовенства.

В 1937 году прихожане закрытых смоленских церквей просили о. Антония Эльснера, уехавшего из города после того, как был закрыт храм, где он служил, быть у них священником. Они зарегистрировали его в Горсовете как церковного сторожа, видимо, иначе нельзя было ему остаться жить в городе, поселиться в одной из церковных сторожек. Служить в церкви ему Горсовет не разрешил, хотя прихожане собрали несколько тысяч подписей. Священника вызывали в НКВД, угрожали. Он отвечал: «На моей стороне весь город, даже ваши отцы и матери, а вы – одни». Делегация из Смоленска поехала в Москву и добилась у центральной власти разрешения проводить службы о. Антонию. Горсовету ничего не оставалось делать, как разрешить то, что требовали верующие. Но в ночь перед службой трое сотрудников НКВД арестовали о. Антония, церковный совет и многих других. 1 августа 1937 года о. Антония расстреляли.

Необходимо отметить, что согласно данным найденных материалов ГАСО, в 1937-1938 гг. были либо расстреляны, либо лишены свободы большинство священников, числившихся в списке служителей культа за 1936 год. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 347, л. 42) Так, из двух обновленческих церквей, в которых служили 3 священника и так называемый митрополит, в 1937 году было расстреляно 2 священника. (ГАСО ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 347, л. 18) Из двух патриарших церквей (Окопная и Гурьевская), в которых служило 5 священников, как пишется в документе, 3 священника были лишены свободы, 2-пребывали в ссылке с 1930 года. (ГАСО Ф. 2360, св. 1, оп. 1, д. 347, л. 18) О судьбе 4 священников, служивших во Всехсвятской церкви в 1936 году, которая была официально закрыта в 1938 году (ГАСО Ф. 2361, св. 1, оп. 1, д. 67, л. 80-81 об), в документе ничего не говорится. Скорее всего, это не означает того, что никто из них не подвергся репрессиям.

Т.о., можно предположить, что основным механизмом, примененном в деле закрытия оставшихся смоленских церквей, являлись репрессии священнослужителей. И отсутствие формальных фактов о закрытии Георгиевской (1939 г.з.) Всехсвятской, Окопной (1938), Гурьевской церквей (1940) не станет большим препятствием в рассмотрении вопроса закрытия церквей на Смоленщине.

Подобные процессы происходили не только в областном центре. Н. Илькевич подсчитал примерное количество осужденных священников 2440-3050 человек. Он взял за основу исследования члена правления Смоленского отделения Российской ассоциации жертв незаконных политических репрессий Забелина А.Л., который исследовал социальный состав

репрессированных и пришел к выводу – процент репрессированных священнослужителей высок – 6,1%.

Далее, подтверждая верность данной цифры, Илькевич пишет, что в сельской местности 1927 – 1938 были арестованы и осуждены почти все священнослужители (настоятели храмов, вторые священники и диаконы). Илькевич свидетельствует, что борьба с религией была официальной политикой советской власти.

Время от времени по команде из Москвы в Смоленске сотрудники ГПУ-ОГПУ-НКВД занимались арестом служителей культа. Многие священники пострадали дважды или трижды. Илькевич также отмечает, что в эту цифру могут входить и представители других конфессий. Но, так или иначе, число арестованных священнослужителей было огромно.

О том, что закрытие церквей являлось частью антирелигиозной политики Советской власти и те причины, которые указывались в документах об их закрытии были только формальностью, лучше всего свидетельствовало дело о подпольном монастыре, который существовал в Смоленске в середине 1930-х годов. Об этом довелось узнать из статьи Илькевича «Маленькая страница большой войны с собственным народом» и «Последняя литургия в смоленских катакомбах» В. Соколова, профессора, доктора технических наук, сына священника Иоанна Соколова, расстрелянного в 1937 году. Монастырь напоминавший современникам катакомбы, располагался в одной из башен, обветшавший со времен революции, крепостной стены.

Бесспорно, антирелигиозные работники, закрывая приходы и храмы рассчитывали на разрушение приходской жизни. Но одно из определений Поместного Собора 1917-1918 гг. гласило, что, лишившись храма или его святынь община православных христиан, объединившись вокруг своего пастыря, который с разрешения епархиального архиерея мог совершать для нее Божественные службы, не исключая литургию, в частном доме или ином приличествующем помещении. Это определение санкционировало при условии благословения епархиального архиерея, существование приходских общин вне храма, в т.ч. катакомбно, не оповещая при этом властей.

Его духовником являлся о. Никодим (Новиков), бывший насельник Троицкого монастыря. Он после закрытия монастыря легально проживал в одном из частных домов города.

Для всех православных жителей г. Смоленска он являлся духовным авторитетом. В. Соколов, сын свщ. Иоанна Соколова, в статье «Последняя литургия в смоленских катакомбах» пишет, что люди отмечали у него наличие дара прозорливости. После ареста отца автора статьи о. Никодима посещала его мать, Ю. Соколова. Н. Илькевич в своей статье свидетельствует, что согласно заключению уголовного дела, вокруг монастыря «группировался контрреволюционный, кулацкий и активно-церковный элемент, имевший связь с духовенством города и проводивший активную контрреволюционную деятельность».

В подпольном монастыре, как пишет В. Соколов, проводились службы. В данном деле представляет особый интерес и то, как нашло отражение одно из определений Поместного Собора о возможности употребления для богослужения простых предметов, без украшений. Так, пюпитр, накрытый тряпкой, служил аналоем, кадиллом служила консервная банка, подвешенная на шнурках, вместо ладана употреблялась смола. Евангелие и некоторые другие предметы тайно привозились верующими на время службы в монастыре и увозились обратно. Во время Литургии пел хор. О существовании монастыря, как свидетельствует Соколов со слов очевидцев тех событий, узнали «органы безопасности» от детей.

В результате 21 октября 1937 года по решению тройки о. Никодим и еще 11 человек, арестованных по его делу (видимо, самые активные прихожане) были приговорены к расстрелу. Трое обвиняемых – были приговорены к 8, и 10 – к десяти годам ИТЛ. По данным Илькевича, они были арестованы без санкций прокурора. Следствие было закончено уже через 6 суток после прекращения арестов. При этом с материалами дела обвиняемые не были ознакомлены, а само обвинительное заключение прокурором и руководством Управления не подтверждалось. Арестованным сотрудники УГБ инкриминировали: «организацию

подпольного монастыря, ... предоставление в доме приезжающим в монастырь кулакам ночлега..., проведение контрреволюционной агитации среди крестьян – колхозников, молодежи, проведение контрреволюционной работы по срыву выборов в Верховный Совет». Н. Илькевич говорит, что эти обвинения выдуманные, что они – «бред». И с ним нельзя не согласиться.

Это дело особенно ярко свидетельствует о том, что закрытие храмов совершалось именно в рамках борьбы с Церковью, что самым эффективным методом борьбы с Церковью являлось физическое уничтожение верующих и священнослужителей, что борьба с Церковью превращалась в войну с собственным народом.

Накануне Великой Отечественной войны в Смоленске почти не осталось действующих храмов. К лету 1941 года действующей осталась только одна Тихвинская кладбищенская Церковь. Абсолютное большинство священнослужителей были либо репрессированы, либо вынуждены оставить свое служение.

Какова же была судьба закрытых храмов? Прежде всего, нужно отметить, что большинство закрытых церквей были использованы вовсе не под те нужды, которые были указаны в документах об их закрытии. Так 7 церквей вообще было снесено. (Александров-Невская 1929 г.з., В. Георгиевская 1929 г.з., Одигитриевская 1929 г.з., Ильинская 1929 г.з., Иоанна Милостивого 1920 г.з., Молоховская крепостная 1918 г.з., Казанская 1934 г.з.), в зданиях 4 закрытых церквей были устроены склады (Спасо-Преображенская 1929 г.з., Благовещенская 1929 г.з., Кресто-Воздвиженская 1929 г.з., Михаила Архангела Свирская 1930 г.з.), в зданиях 3 церквей – архивы (Покровская 1933 г.з., Всехсвятская 1938 г.з., Георгиевская 1937 г.з.). В зданиях других церквей были оборудованы – аккумуляторная мастерская (Окопная церковь 1938 г.з.), метеорологическая станция, больница. И только 8 храмов были использованы под нужды, близкие к культурным: Дом инвалидов (Троицкий монастырь 1925 г.з.), дом крестьянина (Нижнее-Никольская), музей и библиотека (Богословская 1929 г.з.), курсы ПВО (Вознесенский монастырь 1929 г.з.), театр рабочей молодежи (Богоматерская 1928 г.з.), техникум физкультуры (Троицкая 1934 г.з.), вспомогательная школа (Воскресенская 1929 г.з.), антирелигиозный музей (Успенский собор 1933 г.з.).

Накануне Великой Отечественной войны Смоленской епархии как таковой не существовало. К лету 1941 года в области почти не осталось действующих церквей, а в самом Смоленске незакрытой осталась только одна Тихвинская кладбищенская церковь. Абсолютное большинство священнослужителей было либо репрессировано, либо вынуждено оставить свое служение.

Таким образом, в течение 1930-х годов в Смоленске были закрыты практически все храмы. Также постепенно было закрыто огромное число храмов на территории Западной области, узнать которое на сей день не представляется возможным, т. к. подчас подобные процессы документально не фиксировались. Говоря о деревенских храмах, взяв за пример Рославльский район, можно с уверенностью сказать, что большинство из них было закрыто и разрушено.

В это время власти приложили все возможные силы для того, чтобы навсегда уничтожить Церковь. Наиболее действенным методом борьбы с Церковью в 1930-е годы оказался террор – физическое истребление верующих и духовенства, который в тоже время выявил всю слабость советской власти в борьбе с религией. Уничтожить веру оказалось большевикам не под силу. И лучшим доказательством этого служат те события, которые стали происходить на Смоленщине с начала Великой Отечественной войны.

(Смоленские епархиальные ведомости, 2005, № 4; 2006, № 1)